

Редакционная коллегия:

проф. В. И. Авдиев, акад. АрмССР С. Т. Еремян,
д.и.н. К. К. Зельин (зам. главного редактора), д.и.н. Д. П. Каллистов,
к.и.н. Ю. К. Колосовская (ответственный секретарь),
д.и.н. М. А. Коростовцев, акад. АН ГрузССР Г. А. Меликишвили,
чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, к.и.н. Н. М. Постовская,
к.и.н. О. И. Савостьянова, проф. С. Л. Утченко (главный редактор),
д.и.н. Е. М. Штаерман

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт истории АН СССР. Тел. 126-94-37

И. М. Дьяконов

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ.
О СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДО СЕРЕДИНЫ II тыс. до н. э.*

4. СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ
В ЗАПАДНОЙ АЗИИ

ЧТОВЫ понять, что представлял собой государственный сектор экономики в начале II тыс. до н. э., необходимо прежде всего выяснить его происхождение. По счастью, некоторые существенные черты общества Двуречья III тыс. до н. э. (экономика типа I A; в гораздо более слабой степени — Египта, экономика типа I B) выяснены благодаря работам В. В. Струве, А. И. Тюменева и другим, хотя очень многое и здесь требует дополнительного исследования. Помимо новых аспектов проблемы, ранее не учитывавшихся, особое значение имеет прочтение А. А. Вайманом ранее не понятых документов конца IV — начала III тыс. до н. э. Так, лишь совсем недавно стало известно, что выделение обширных массивов земли, предназначенных не только на содержание культа, но и высших должностных лиц, видимо, представлявших не один лишь храм, но и общину в целом, производилось в шумерских общинах-государствах еще в эпоху археологической культуры Урук III, т. е. на грани IV и III тыс. до н. э.¹ Однако о хозяйстве правителей городских общин мы еще долгое время и после этого ничего определенного не знаем: по всей ве-

* См. также ВДИ, 1967, № 4, стр. 13—35; 1968, № 3, стр. 3—26. Как и в предыдущих моих статьях, я пользовался важными консультациями моих товарищей, особенно Н. М. Постовской по Египту и Н. Б. Янковской по Передней Азии; Н. Б. Янковская любезно сверила и большинство моих ссылок с оригинальными текстами. Я очень благодарен также Е. М. Штаерман за ряд замечаний.

¹ А. А. В а й м а н, К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение), ПАС, II, 1966, стр. 9—10 и 13—15 (документ PI, 100). Из этого документа вытекает как будто, что земли, о которых идет речь, были выделены должностным лицам храмом, а не непосредственно общиной; но сам храм в это время еще хозяйственно неполностью был обособлен от общины, в частности, как полагает А. И. Тюменев, он не имел своего отдельного от общины персонала (ГХДШ, стр. 416 и др.). Среди служебных наделов, перечисленных в прочитанном А. А. Вайманом документе PI, 100, имеется надел вождя-жреца (en) размером 154 būr (≈ 2750 га). При III династии Ура жатва на участке в 1 būr, как нам указал А. А. Вайман, требовала 15 человеко-дней (УЕТ, III, 1429, лиц. III), т. е. 2,5 человеко-дня на гектар. Пахота требовала меньше рабочих рук, так как длилась гораздо дольше, чем уборка; но общая затрата труда на пахоту плугом и бороньбу была значительно больше (16 человеко-дней на гектар, см. ниже, прим. 68). Во всяком случае, в правительском хозяйстве, подобном упомянутому в документе PI, 100, требовались многие десятки рабочих рук. Вплоть до середины III тыс. до н. э. хозяйства знати были очень обширны, и их производственная структура неизбежно должна была быть сходной со структурой храмовых хозяйств ср. ОГДСШ, стр. 51, 104 и 110—118.

роятности, оно мало отличалось от хозяйства крупнейших и знатнейших общинников вообще²; такое хозяйство, видимо, почти полностью обеспечивало свои нужды собственным производством, но было вынуждено приобретать металл и лес за рубежом через общинных (храмовых) странствующих агентов (*šab-gal, dam-gār*)³. Однако, ввиду обширности таких хозяйств, по приемам разрешения проблемы рабочей силы они должны были иметь больше сходства с хозяйствами храмовыми. Что касается храмовой земли, то хотя она и была обособлена от остальной земли общины еще по крайней мере начиная с периода Урук IV — Урук III, если не значительно раньше⁴, но храм, по-видимому, еще долгое время не имел собственного рабочего персонала. Поскольку урожай с храмовых земель рассматривался как резервный зерновой фонд для общины в целом, постольку и земля храма, видимо, обрабатывалась общинниками сообща; лишь постепенно эта обязанность была возложена на определенные специально выделенные для этого группы населения⁵. Во второй четверти III тыс. до н. э., очевидно, в связи с резко усилившимся имущественным расслоением, лица, разоренные войной, стихийными бедствиями или, может быть, вынужденные бежать в результате конфликтов с родичами, уходят в соседние общины⁶, вступая под «покровительство» более сильных и знатных хозяйств, в особенности хозяйств храмов и правителей. Возможно, что и сами территориальные общины выделяли специальных людей своим храмам. К XXV—XXIV вв. до н. э. мы наблюдаем, таким образом, создание постоянного рабочего персонала храмов.

Как обратили внимание впервые И. Е. Гельб и совершенно в другом плане Н. М. Постовская⁷, — существенно, что сами древние рассматривали и храмовое, и правительское хозяйство в качестве разновидности «дома» (шум. *é*, др.егип. *pr*) — термин, которым, как мы показали в предыдущей статье, обозначалась домашняя община в ее свойстве хозяйственной и социальной единицы. В связи с этим и персонал царских и храмовых хозяйств, — как не обладавший правами собственности на средства производства в этих хозяйствах, но обладавший известными правами на материальное обеспечение с их стороны при условии выполнения определенных обязанностей, — рассматривался как лица, находящиеся под патриархальной властью царя или храма, т. е. как бы в качестве домочадцев такового (в числе же домочадцев, как известно, были и рабы). Однако мы

² ОГСДШ, стр. 94—95, 104, 110 и др.

³ *Sab-gal* как важнейшее должностное лицо (надел 15,5 *būr*) упомянут уже в том же документе PI, 100. Позже этот термин вытесняется семитическим *dam-gār* > **tamkārūt*. О деятельности этих *тамкаров* как торговых агентов общинного храма, обслуживавших также частных заказчиков, см. M. Lambert, *Textes commerciaux de Lagash*, RAAss, XLVII, 2, стр. 63 сл. (Ник. I, 310 и 313).

⁴ Тюменев, ГХДШ, стр. 188—194.

⁵ Тюменев, ГХДШ, стр. 52—53, 72—78, 121, 416 и ср. 424 сл.; ОГСДШ, стр. 92—104. Характерно, что если в древнейшие эпохи истории Двуречья храмовое хозяйство управлялось вождем-жрецом (*en*) и, возможно (чтение соответственных архивных документов несколько сомнительно) «старейшинами» (*ab, ab-(b)a*), и еще в выдаче народному собранию (WTF, 98, 101 и др.), то позже органы общинного самоуправления уже не имели к храмовому (или царско-храмовому) хозяйству никакого отношения и никогда в документах его архивов не упоминаются, что даже породило иллюзию деспотического и теократического государства в Шумере.

⁶ Они назывались *urū-gin, urū-tin*, «пришедшие в город (общину)» или *lú-bil dr.*; ср. ОГСДШ, стр. 100, 101, прим. 163.

⁷ I. J. Gelb, *Social Stratification in the Old Akkadian Period*, «Труды XXV МКВ», I, М., 1962, стр. 225; также личное сообщение автора. Ссылка на Н. М. Постовскую в основном базируется на ее сообщении в докладе на IV Сессии по древнему Востоку в Ленинграде (1968 г.).

не должны в данном случае поддаваться концепции самих древних: и по своему генезису (из беглых, плененных и т. п.), и по своему статусу (в отличие от домохозяев в хозяйствах общинников они не могли достичь полноправия и главенства в данном хозяйстве) лица персонала царских и храмовых хозяйств, даже не приравненные к рабам, существенно отличались от подвластных домохозяев домашней общины, так как последние, за редкими исключениями, были родичами главы дома и (там, где она существовала) членами территориальной общины, народной сходки и т. п.

В Шумере XXV — XXIV вв. до н. э. хорошо изучена структура храма богини ^dBa-Ū в Лагаше. Храмовая земля ⁸ здесь делилась на три категории: (I) земля *niġ-en-(n)a* «жреческая», или непосредственно храмовая; она обрабатывалась рабочим персоналом храма, и урожай с нее составлял резервный зерновой фонд, а также шел на корм храмовому скоту, на жертвоприношения, на экстренные выдачи жрецам, ремесленникам и другим лицам ⁹, на экспорт в обмен на лес, металл и камень и т. п. ¹⁰; (II) земля *kur₆* (*kurum₆*) «кормление», частью, видимо, возникшая из общинных должностных наделов (однако в большей или меньшей мере контролируемых храмовой администрацией) ¹¹, а частью выделенная уже самим храмом. Храмовая администрация выдавала ее участками отдельным лицам — храмовым ремесленникам и служащим (но не жрецам!) ¹², а также группам земледельческого рабочего персонала храма (*šub-lugala*) и храмовых дружинников (*uku-uš*) ¹³; этим группам земельные наделы выдавались через их начальников-надзирателей, в отношении которых эти храмовые земледельцы-работники были их «подчиненными» (*lú-šul-a*, или *lú-dun-a*). Часть подобных наделов, по-видимому, все еще выдавалась из общинной земли, в том числе, возможно, и часть надела-*kur₆* самого правителя (*ensí* или *lugal*) ¹⁴, но подавляющее большинство таких наделных участков (в частности, по-видимому, все наделы, выдававшиеся на группы работников — *šub-lugala* и *uku-uš*) входили в состав земли храма (*é, é-gal; gán ú-rum dBa-Ū*); (III) земля *uru₄-lal* «издольная» ¹⁵, также пред-

⁸ См. A. Deimel, *Die šumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger*, «*Analecta Orientalia*», II, 78 сл. Даймел ошибочно принимал землю храмов за всю территорию Лагаша (ср. ОГСДШ, стр. 9 сл.).

⁹ Тюменев, ГХДШ, стр. 188—194.

¹⁰ См. Lambert, *Textes commerciaux de Lagash*, RAss, XLVII, 2, стр. 57 сл.; ArOr, XXIII, 1955, стр. 557 сл.

¹¹ Об этом спорном вопросе см. В. В. Струве, *Община, храм и дворец*, ВДИ, 1963, № 3, стр. 11 сл. (для времени раннединастического Лагаша).

¹² ОГСДШ, стр. 104. Жрецы встречаются в списках получателей небольших наделов храмовой земли очень редко — см. Тюменев, ГХДШ, стр. 151—152. В то же время, судя по величине получаемых ими из храма праздничных выдач печеного хлеба (до 450 хлебов на одного жреца!), в их хозяйстве могли быть заняты десятки людей. Это обстоятельство крайне важно, так как показывает, что сами жрецы лично почти не участвовали в «государственном» (храмовом) хозяйстве и хотя и извлекали из него некоторые доходы, но имели собственные хозяйства за пределами храма, т. е. в гражданской общине.

¹³ *Uku-uš* соответствует акк. *rēdūt* «погонщик (пленных??)» II тыс. до н. э. — основной группе военно-полицейских царских служащих. В то же время, с одной стороны, в мирное время *uku-uš* были точно так же заняты на групповых сельскохозяйственных работах, как и *šub-lugala*, а с другой — *šub-lugala* (и почти все прочие как сельскохозяйственные, так и ремесленные работники храма) призывались в войско во время войны, — хотя, может быть, и в следующую после *uku-uš* очередь? *šub-lugala* было также, по-видимому, общим просторечным обозначением всех вообще храмовых служащих и работников, получавших от храма служебные наделы (в документах обычно они официально назывались *lú-kur₆-dab₃-ba* «люди, получающие (земельное) „кормление“»).
¹⁴ ОГСДШ, стр. 103—104.

¹⁵ Дословно *uru₄-lal*, возможно, означает «связанные с обработкой (возделыванием)». В значительно более поздние периоды развития клинописи гетерограмма URU₄-LAL могла означать, с одной стороны, «земледельческий труд» вообще, с другой — специально «аренда».

ставлявшая собою часть храмовой земли. Она выдавалась, возможно, всем желающим лагашцам в добавление к уже имевшимся у ее держателей наделам другого характера, но, по-видимому, главным образом членам храмового персонала — в обмен на незначительный натуральный побор¹⁶. Судя по всему, эта земля раздавалась, перераспределялась и отбиралась по произвольному усмотрению администрации, без какого-либо арендного договора.

Члены храмового персонала, судя по аналогиям из позднейшей эпохи и другим косвенным данным, не имели полных гражданских прав¹⁷ (не были собственниками земли, не участвовали в народном собрании или совете старейшин и т. п.)¹⁸. Имели ли они одно общее обозначение — неясно¹⁹; но, хотя некоторые храмовые люди (среди мужчин — главным образом чернорабочие) могли в свое время быть купленными храмом за серебро и находиться п р а к т и ч е с к и на рабском положении, никто из мужчин такого персонала в то время ф о р м а л ь н о не воспринимался как раб²⁰. Неясно, был ли кто-либо из них исключен из числа лиц, обязанных нести военную службу²¹. Лишь некоторое число женщин (ткачих, скотниц, поварих и т. п.) названо в документах *gim*, *géme*, т. е. терпящая, включались, по-видимому, в общие категории рабочего персонала храма, так как особой категории взрослых мужчин-рабов в храме не было (но были частные рабы — *ir(ad)* и рабыни — *géme*, *gim* — в отдельных, средних по достатку, семьях персонала, см. Ник. I, 19; впрочем, такие рабы были предоставлены этим семьям, как кажется, той же храмовой администрацией из низших категорий того же персонала).

За свой труд служащие и работники храма получали либо земельные участки в условное держание, либо натуральное довольствие, либо то и другое. Это зависело исключительно от соображений практического удобства, а не от социального положения лиц, получавших вознаграждение²².

¹⁶ ОГСДШ, стр. 103; о *še é(d)* в Шурушпаке см. ГХДШ, стр. 101 и 103, прим. 3 и ср. ОГСДШ, 97.

¹⁷ В частности, это явствует, во-первых, из полного отсутствия упоминания о соначиниях с XXV в. до н. э.; во-вторых, из строго индивидуального (иногда группового), но не домашнеобщинного характера наделов, выдаваемых служащим и ремесленникам царско-храмовых хозяйств; в-третьих, из отсутствия общинных должностных званий у лиц храмово-царского персонала; в-четвертых, из произвольного характера перераспределения наделов, которое не имеет ничего общего с регулярными общинными переделами по жребиям и т. п.

¹⁸ См. об этом Th. J a c o b s e n, *Primitive Demoscrasy...*, JNES, II, 3, стр. 162—164; ОГСДШ, стр. 41, прим. 1 и стр. 127—128.

¹⁹ Возможно, таким обозначением было *ukú*, что соответствует акк. *labnum* «пашающий ниц» (синоним *muškanum*); хотя в хозяйственных документах оно не встречается, см., однако, тексты реформ Урукagina — I. M. D i a k o n o f f, *Some Remarks on the «Reforms» of Urukagina*, RAAss, LII, 1, 1958, стр. 6. Термин *maš-ka(g)-en*, *MAŠ-EN + КАК (= mašdā)*, прямо соответствующий акк. **muška'enum*, *muškēnum*, был тоже известен еще в III тыс. до н. э., от периода Джемдет-наср до III династии Ура, PI, 12, IV, 4; MAD, III, 266 сл. и NG, III, 139.

²⁰ См. об этом подробно Т ю м е н е в, ГХДШ, стр. 135—169; 276 сл.

²¹ Во всяком случае, в списках воинов, мобилизованных из храма богини «Ва-У в раннединастическом Лагаше, мы встречаем не только лиц, получавших служебные натуральные довольствие — см. Т ю м е н е в, ГХДШ, стр. 155 сл.

²² Например, лица, работавшие при самом храме или при дворце правителя, появлялись за довольствием, получали земельные наделы — см. Т ю м е н е в, ГХДШ, стр. 159. По тем же мотивам натуральное довольствие назначалось царским людям

Экономической задачей подобных хозяйств в значительной мере продолжало являться обеспечение хозяйственной устойчивости территориальной общины-«но́ма» путем создания резервного и экспортного фондов зерновой и ремесленной продукции, поскольку без импорта известных видов промышленного сырья и прежде всего леса и металла экономика Двуречья не могла существовать уже в раннем энеолите. Храм обладал также резервом орудий производства. Культовая направленность храмового хозяйства нисколько не противоречила этой основной задаче, а напротив, по тем временам полностью соответствовала ей, ибо задачей культа также являлось обеспечение благосостояния и прежде всего плодородия общины, а нерациональность религиозно-магических средств для выполнения этой задачи по сравнению со средствами технико-экономическими никоим образом не могла ощущаться и распознаваться²³. Обе стороны дела, религиозно-магическая и технико-экономическая, были тесно сплетены; даже жертвоприношения, которые, с нашей точки зрения, могли бы показаться пустым расходом продукции производства (поскольку надежда на магическое достижение всеобщего благосостояния с помощью жертв была явно тщетной), в действительности имели не только идеологическое, но и важное прямое хозяйственное значение как для членов храмового персонала, так и для всей общины верующих данного храма: участие в жертвенных трапезах было фактически единственным источником калорийного мясного питания для населения²⁴.

Весьма существенно, что храмовые хозяйства не были непосредственно источником доходов жречества, по крайней мере не главным его источником. Пока храм и его хозяйство были еще нераздельны от общины, как это было в период Урук III, жрецы получали свои крупные наделы (как

(особенно имевшим еще и свою землю в общине) и в старовавилонский период, хотя правилом в то время была выдача за службу земельного надела; ср. F. Thureau-Dangin, La correspondance de Hammurapi avec Samsar-hisar, *RAss*, XXI, 1924, (далее — Th. D.), 48; 54; и др.

²³ Истинность представления о рациональности того или иного частного производственного процесса в наименьшей мере устанавливалась путем проверки индивидуальным опытом; практически значение здесь имел лишь коллективный опыт общества, воплощенный в мудрости предков, а эта мудрость поневоле должна была для каждого отдельного индивида быть делом веры; расхождение индивидуального опыта с коллективными представлениями воспринималось как индивидуальная ошибка, неточность в выполнении обряда и т. п. и могло влечь за собой лишь еще большее усложнение обрядовой стороны производственного процесса, но не освобождение от нее. Для такого освобождения, проявившегося в виде вольнодумства, потребовалось возникновение хозяйственного индивидуализма в условиях первых древних собственно товарных хозяйств Греции.

²⁴ Подсчет калорий и витаминного содержания в натуральном довольствии работников государственных хозяйств (а это довольствие состояло почти исключительно из ячменя и лишь изредка — кунжутного масла) показывает, что при условии, что это было их единственным питанием, эти работники должны были страдать от тяжелого недоедания и авитаминоза. Однако они успешно выполняли внушительные трудовые нормы. Поэтому-то необходимо учитывать всеобщее участие населения в жертвоприношениях. К сожалению, работы В. В. Струве вплоть до середины 50-х годов были посвящены единственной проблеме выявления наличия рабов в царско-храмовых хозяйствах Шумера — вопросу крайне важному; однако к этому вопросу не сводится экономическая история древнего Ближнего Востока. Также и в обстоятельнейшей и чрезвычайно полной истории шумерских храмовых и царских хозяйств, написанной А. И. Тюменевым (ГХДШ), недостаточно использованы многочисленные документы храмовых хозяйственных архивов, касающиеся обрядовой стороны храмового хозяйства и, в частности, обильнейших жертв скотом. Для изучения этой группы документов приходится прибегать к статьям и публикациям А. Даймеля в старой серии «*Orientalia*» и в «*Analecta Orientalia*» или к работе: Y. Rosen garten, *Le concept sumérien de consommation dans la vie économique et religieuse*, P., 1960. Подобное пренебрежение к казалось бы чисто надстроечным вопросам мстит за себя созданием пробелов в наших знаниях о самой экономике.

уже указывалось), видимо, от храма ²⁵, ибо это было то же, что получить их от общины; но в Лагаше XXV—XXIV вв. до н. э. храм стал отдельным от общины учреждением; поэтому жрецы наделами на храмовой земле теперь не обладали и, следовательно, без сомнения имели наделы на земле собственно общинной, являясь полноправными общинниками-собственниками. Часть жреческих функций выполнялась, по-видимому, вообще не профессиональными жрецами, а например, ремесленниками (не говоря уже о родовом культе, находившемся в руках домашнеобщинных патриархов) ²⁶. Правда, при разных выдачах, производившихся храмами, высшие жрецы получали больше других, и помимо этого, в ряде случаев располагали возможностями присваивать труд храмовых работников-«подчиненных» (*lú-šul-a*) и их продукцию; но не надо представлять себе дело так, что храмовое хозяйство было просто-напросто собственностью жречества, подобно тому как средневековое монастырское хозяйство могло фактически быть феодальной собственностью аббата и его монахов. Мы знаем, что по вопросу о собственности на храмовые владения шла ожесточенная политическая борьба, и в самом деле, храмовое хозяйство было, разумеется, ключевой экономической и политической позицией в обществе, — но это не было простой борьбой за извлечение доходов из этого хозяйства; скорее это была борьба за власть, за распоряжение людскими ресурсами храмового хозяйства, которые могли являться и являлись одновременно воинским контингентом, независимым от общины и от контроля со стороны более или менее демократических общинных органов самоуправления; за власть над резервными и экспортными зерновыми фондами (а стало быть, и над импортным сырьем); за господство в области ирригационного хозяйства общины; и, наконец, за идеологический престиж, связанный с посредничеством между общиной и божеством, которому приписывались ответственность за ее возможное благополучие или ее возможную гибель ²⁷.

²⁵ В а й м а н, К расшифровке..., стр. 14—15 и ср. список опечаток (PI, 100): жрец *išib* получал надел около 10 *būr*, жрица *EN.SAL* — 18 *būr* (т. е. 60 га и 108 га).

²⁶ В каждом городском доме Ура старовавилонского периода имелось свое святилище, состоявшее из двора (с алтарем и постаментом для святыни под навесом и с родовым склепом под полом двора) и пиршественной горницы — см. L. W o o l l e y, Excavations at Ur, 1930—1, «The Antiquaries Journal», XI, 4, 1931, стр. 361 слл. В жилых домах более ранних городов подобные святилища археологически не столь четко выявляются, но все же и тут вряд ли приходится сомневаться в том, что в любом доме выделялось место фамильно-родового культа, — см., например, H. F r a n k f o r t, Iraq Excavations of the Oriental Institute, 1932/33. Third Preliminary Report, Chicago, 1934, стр. 9—10 (помещения J. 48, 23; J. 19, 21 и 14). Вопрос о родовых культах достаточно сложен; в частности, тот же Вулли предполагает, что домашний культ был культом личного и притом безымянного бога-покровителя семьи — см. Sir Leonard W o o l l e y, The Beginnings of Civilization («History of Mankind Cultural and Scientific Development», vol. II), UNESCO, L., 1963, стр. 713. Существует также предположение, что домашним культом пользовалось то божество, имя которого входило в состав теофорного имени домохозяина. Однако это не так. Надписи правителей Лагаша от Ур-Нанше до Гудеи нередко называют родовое божество династии, но имя этого божества не включается в теофорные имена членов династии; ср. также, например, надписи на печатях UET, V, 436 и 128 (времени РимСина I и РимСина II, XVIII в. до н. э.): на одной упомянуто лицо, названное в честь бога Сина (^d*Sin-iš-me-a-ni*), но он является «рабом бога Нергала» (*ir(ad)* ^d*Ne-unu-gal*); на второй и владелец печати и его отец названы по богу Сину и его супруге (*Si-li-^dSin dumu Ip-qū^dNin-gal*), но он является почитателем бога Лугальбанды (*ir(ad)* ^d*Lugal-bā[n-d]a*). Нергал и Лугальбанда в данном случае, несомненно, и являются родовыми богами этих лиц.

²⁷ О том, что правитель (*ensi* или *lugal*) был не представителем бога перед общиной, а представителем общины перед богом, см. ОГСДШ, стр. 122. Об ответственности божества за общину ср., например, слова одного из писцов Урукагины о причине поражения Лагаша в войне с Лугальзагеси, правителем Урука и Уммы: «Нет (в том) вины Уру-

Существенно, что только храмовые и правительские хозяйства (и, может быть, хозяйства других наиболее крупных общинных должностных лиц — землеустроителя-*saġ-sug*⁵, высших жрецов, главы совета и т. п.) были достаточно велики по своим масштабам для того, чтобы в них могли быть последовательно проведены профессионализация ремесленников и разделение ремесленного и земледельческого труда²⁸; этому содействовало и то обстоятельство, что храм, естественным образом, ведал экспортом сельскохозяйственных продуктов и тканей и импортом ремесленного сырья, так как путешествующие торговые агенты-*тамкары* (*dam-gar*) были тоже служащими храма.

Тамкары храмов снабжали сырьем ремесло, в свою очередь снабжавшее своими изделиями (в частности орудиями труда) не только храм и его персонал, но, несомненно, и общинников. Было бы существенно выяснить, каким образом ремесленные изделия подобного рода попадали в негосударственные хозяйства. Пока никаких данных о продаже всем желающим лицам ремесленных изделий, изготовлявшихся ремесленниками храма и правителя, в нашем распоряжении от периодов ранее старовавилонского (XX—XVI вв. до н. э.) нет. Члены хозяйственного персонала храма получали орудия труда с храмовых складов²⁹. Поскольку велся строгий учет сданному ремесленникам сырью и поставок ими готовой продукции³⁰, постольку трудно представить себе, чтобы весь внегосударственный сектор хозяйства существовал бы только и исключительно за счет незаконной продажи храмовыми ремесленниками изделий из казенного сырья на сторону. Но есть некоторые основания думать, что отдельные граждане могли заказывать нужные им для производства товары *тамкарам* (которые привозили эти заказы наряду с казенными), а затем сами изготовлять нужные предметы в своих хозяйствах (ср. тексты, упомянутые выше в прим. 3). Это тем более означает, что контроль над храмовой торговлей³¹ имел громадное значение в смысле власти над городом-государством в целом и его гражданами.

С XXV—XXIV вв. до н. э. храмовые хозяйства Шумера (первоначально не все, но зато крупнейшие) фактически, а иногда и формально, стали переходить во владение и собственность правителя и членов его семьи³². Это стало возможно вследствие того, что правитель совмещал с III-го раннединастического периода функции военного (*lugal*) и гражданского вождя (*ensí*) с функцией верховного жреца (*en* — верховного жреца всего

кагины, *лугаля* (города) Гирсу, а *Лугальзагеси*, *энси* Уммы, — пусть Нисаба, его (родовая) богиня несет ту вину на своей шее» (*nam-da(g) Uru-ka-gi-na lugal Ġír-su^{ki}-ka nu-ġál Lugal-zag-(g)e-si ensí Ubme^{ki}-ka diġir-(r)a-né^d Nisaba-ke⁴ nam-da(g)-bé [g]ú(n)-na hē-íl-il* (E. Sollberger, *Corpus des inscriptions «royales» présargoniques de La-gaš*, Genève, 1956, Ukg. 16, VIII, 6—IX, 3).

²⁸ Говоря о разделении труда между ремеслом и земледелием, не следует абсолютизировать понятие этого разделения: в раннединастическое время большинство храмовых ремесленников вознаграждалось участком земли и, стало быть, занималось и сельским хозяйством.

²⁹ Тюменев, ГХДШ, стр. 176 сл., 187. В этом, казалось бы, было некоторое преимущество положения храмовых людей по сравнению с нехрамовыми, так как затраты на капиталовложение в орудия труда, в скот и посевное зерно, а также на амортизацию здесь нес сам храм, а отдельные сельские хозяева. Однако же эти сельские хозяева и работали в первую очередь именно на храм, а на свое хозяйство могли тратить только часть своего рабочего времени.

³⁰ Там же, стр. 187 сл. и др.

³¹ Характер этой торговли прекрасно обрисован в эпосе «Энмеркар и верховный жрец Аратты» — см. последний перевод с транслитерацией и исторической интерпретацией в статье: И. Т. Канева, Шумерский героический эпос, ВДИ, 1964, № 3, стр. 243 слл.; № 4, стр. 189 слл.

³² Тюменев, ГХДШ, стр. 137 сл.; ОГСДШ, стр. 101.

города-государства³³ или *saĝa* — верховного жреца отдельных важнейших храмов). Власть же над храмовыми хозяйствами и их персоналом давала в руки правителю независимую вооруженную силу; если же он (как, по-видимому, в случае Саргона Аккадского) выступал против локальной военно-жреческой аристократии, то он имел еще и возможность опереться на обширную силу общинных ополчений. В любом случае исторический процесс вел к подчинению городов-государств всего речного бассейна единоличной власти царя. После же объединения Двуречья в одно государство при Аккадской династии, в ведение и управление царя перешли все храмовые хозяйства в стране, составив органическую часть хозяйства царского³⁴. При этом число выдаваемых служебных наделов постепенно уменьшалось, и такие наделы выдавались преимущественно лицам административного персонала³⁵. Вместе с огромным ростом масштабов царского хозяйства невероятно возросла и численность царской служилой бюрократии, представлявшей главную опору царской власти, в то время как старая общинная знать частью была оттеснена на задний план, частью физически истреблена³⁶, частью же влилась в состав царских служащих. В особенности это касается жречества, которое лишь формально сохраняло некоторые черты представителей своей общины, фактически же превратилось в царских чиновников³⁷, хотя и сохранявших и свою долю в земельном фонде гражданской общины³⁸. Царскими служащими сделались и ремесленники, и в результате все профессиональное ремесло, которое могло бы явиться товаропроизводящим, фактически стало царской монополией. Что касается земледельческого, чернорабочего и неквалифицированного ремесленного персонала этого нового гигантского царского хозяйства, то он, возможно, был уже тогда в основном переведен на довольствие в натуре³⁹, причем, видимо, происходило фактическое понижение жизненного уровня работников⁴⁰.

К периоду «Царства Шумера и Аккада» (III династии Ура, ~ 2100—2000 гг. до н. э.) территория царской земли, судя по всему, значительно расширилась. Этот процесс начался еще во времена династии Аккада при завоевании отдельных шумерских и аккадских городов-государств, со-

³³ Th. J a c o b s e n, Early Political Development in Mesopotamia, ZAss, NF, 18 (52), 1957, стр. 104—107 и др.; ОГСДШ, стр. 120 сл.

³⁴ Это давно установленный факт — см., например, ОГСДШ, стр. 217 и 220; ср. Т ю м е н е в, ГХДШ, стр. 206 сл., 214, 218, 219, 222.

³⁵ Т ю м е н е в, ГХДШ, стр. 209.

³⁶ ОГСДШ, стр. 216, 227 сл. Речь здесь, конечно, идет не об уничтожении старого господствующего класса, а о внутренней борьбе двух социальных прослоек внутри него. При этом земельные владения новой, послеаккадской знати были существенно меньше, чем у знати доаккадского периода.

³⁷ ОГСДШ, стр. 220—221.

³⁸ В самом деле, мы встречаем жрецов и среди общинников, у которых аккадский царь Маништушу принудительно скупал землю — см. ОГСДШ, стр. 72.

³⁹ Впрочем, имеющиеся документальные данные, в той мере, в какой они исследованы, лаконичны и не всегда однозначно ясны — см. соответствующие разделы в истории государственного хозяйства Шумера у Тюменева (ГХДШ).

⁴⁰ Согласно данным А. И. Тюменева (ГХДШ, стр. 148—149), садовые работники получали при Уруканине от 1,5 до 3 *sila* немолотого ячменя на день, носильщики — около 1,2 *sila* (*sila* ≈ 0,8 лр); те и другие обычно считаются рабами; но примерно по 1,2 *sila* получали и другие лица из тех, которым не выдавалось земельных наделов, в том числе ремесленники и служащие; лица же, имевшие от храма земельные наделы (размером от 0,3 до 2 га), получали сверх надела зерновые выдачи раз в 4 месяца, в среднем по 72 *sila*, т. е. 0,6 *sila* на день. Однако и из первой группы кое-кто, кроме зерна, получал от храма и землю — но не как «кормление», т. е. за работу или службу, а из доли урожая. Позже работники физического труда, занятые в царском хозяйстве, стали получать, быть может, несколько больше ячменя, зато никто уже не получал подспорья в виде обладания служебным или издольным участком земли.

проводившемся истреблением в них десятков тысяч людей, а также принудительной скупкой земли у оставшихся в живых граждан⁴¹.

Перед падением «Царства Шумера и Аккада» вся эта обширнейшая царская территория обрабатывалась и обслуживалась огромными и многочисленными отрядами подневольных людей — мужчин и женщин; те и другие за свой каторжный труд пахарей, грузчиков, бурлаков, жнецов⁴², ремесленников и т. п. получали голодный зерновой паек (плюс минимальное количество выдач шерсти и кунжутного масла)⁴³ и работали на царя беспрерывно и ежедневно, круглый год; это сделалось возможным с тех пор как отказ от системы вознаграждения работников за труд земельными наделами позволил все более увеличивать прибавочный труд работников за счет необходимого. Разумеется, они были лишены всякой собственности на средства производства и эксплуатировались исключительно путем прямого насилия, внеэкономическим путем⁴⁴. Среди этих людей мужчины при подсчете их в хозяйственных документах назывались «молодцами» (*guruš*)⁴⁵ — тем самым их отличали терминологически от

⁴¹ См. о политике царей династии Аккада ОГСДШ, стр. 226 сл. Принудительный характер скупки земли царем Маншпушу (хотя она и была в ряде случаев санкционирована народным собранием местного города-государства — см. ОГСДШ, стр. 69 сл., особенно стр. 74—78 и 81) явствует из цены земли, крайне низкой даже для той эпохи низких цен на землю: она едва составляла один годовой урожай. Нет сомнения, что в результате многочисленных внутренних войн, ведшихся в Аккаде и в Шумере царями этой династии, много земель должно было совершенно опустеть и могло быть присоединено к царско-храмовым владениям.

⁴² Не имея достаточно ясного представления о процессе труда с тогдашними земледельческими орудиями, нам трудно по достоинству оценить существовавшие трудовые нормы (о них см., например, В. В. Струве, Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура, СВ, VI, 1949 — далее НДОТ, — стр. 172 сл.). Однако о тяжести этого труда имеется достаточно косвенных данных. Так известно, что женщины рабочего персонала не были освобождены ни от одного даже самого тяжелого вида физического труда, причем для них естественными нерабочими днями были только их месячные «нечистые» дни, в течение которых женщины были табуированы, а что мужчины не имели и тех свободных дней (НДОТ, стр. 160 сл.). Имеются также данные об очень высокой смертности работников — см., например, В. В. Струве, Лагерь военнопленных женщин в Шумере, ВДИ, 1962, № 3, стр. 12—25, а также ряд сводок об умерших рабочих в архивах — см. Тюменев, ГХДШ, стр. 258. Уже нет, как кажется, ясных данных об участии всех этих отрядов работников в культовых трапезах.

⁴³ В среднем взрослый мужчина-работник в царско-храмовом хозяйстве получал независимо от социального положения 2 *sila* немолотого ячменя в день (точнее от 1 до 4; женщины на 25—50% меньше, дети — вплоть до $\frac{1}{3}$ *sila*), от 2,5 до 5 *sila* масла в год (женщины и дети соответственно меньше) и 4 *ma-na* (женщины 3 *ma-na*) шерсти в год. 1 *sila* $\approx 0,8$ л, а 1 *ma-na* ≈ 500 г. См. I. J. Gelb, The Ancient Mesopotamian Ration System, JNES, XXIV, 3, 1965, стр. 230 сл., где этот вопрос изложен компактнее чем в ГХДШ. О праздничных выдачах (помимо собственно жертв) см. там же, стр. 236 сл.

⁴⁴ Это было показано академиком В. В. Струве еще в 1933 г.; наиболее полное доказательство см. в его же статье 1949 г. (НДОТ). Из этого, однако (как и из того факта, что женщины-работницы царского хозяйства обозначались, так же как частные рабыни, термином *gim*), не следует еще, что вообще работники царского хозяйства и самими шумерами рассматривались юридически как рабы. Этот вопрос еще обстоятельно не исследовался; см. пока Тюменев, ГХДШ, стр. 276 (автор полагает, что дети царских *gim* причислялись к свободным). Краткое изложение всей дискуссии по проблеме эксплуатации труда в «Царстве Шумера и Аккада» см. в кн.: Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.), М., 1961, стр. 98—103, 106, 177—179, 185 и др.

⁴⁵ Термин этот сам по себе был лишен социального значения; им могли обозначаться — и обозначались — и свободные общинники (особенно в середине раннединастического периода) и при случае даже богатыри и цари — см. дискуссию в ВДИ, 1946, № 2, стр. 10 сл.; 1948, № 1, стр. 31 сл.; № 2, стр. 34 сл.; 1949, № 2, стр. 30 сл. Это очень важное обстоятельство часто не учитывается, что приводит к известным сдвигам исторической перспективы, — см. еще недавно Gelb, The Ancient Mesopotamian Ration System, стр. 239—243, где не различаются свободные работники-*guruš*

частных рабов (*ir, irad*), а женщины назывались «рабынями» (*gim, gé-me*), точно так же как и частные рабыни⁴⁶. Ни работники, ни работницы царского хозяйства не были прикреплены к какому-либо определенному участку, а свободно перебрасывались с места на место, с работы одного рода на работу другого рода.

Царские служащие, квалифицированные ремесленники и прочие лица, не входившие в рабочие отряды, тоже получали от царя довольствие только натурой⁴⁷, для чего были выделены определенные участки царской земли, которые, однако, чаще всего не выдавались непосредственно во владение и пользование самим служащим, а лишь служили базой для снабжения их натуральным довольствием⁴⁸ и обрабатывались отрядами *giguš* царского хозяйства на общих основаниях⁴⁹. Содержание в

времени Шурушпака, которые (как и работники храмовых хозяйств в Лагаше при Урук-каине) могли служить в войске и иметь земельные наделы, и подневольные работники-*giguš* времени III династии Ура. Применялся также термин *erén* «люди, работники, отряд», столь же широкий и неопределенный, как и *giguš*.

⁴⁶ Сомнительно, имели ли *giguš* и *gim* постоянные семьи. Так называемые «сыновья», упоминаемые в некоторых документах при *giguš*, по-видимому, просто работники-подружки. В то же время, как показал Тюменев (ГХДШ, стр. 279—283), из походов пригонялись почти исключительно пленные женщины; очевидно, отряды *giguš* составлялись частично и из их потомства наряду с потомством *šub-lugala* и тому подобных работников прежних храмовых хозяйств.

⁴⁷ См. об этом ГХДШ, стр. 313—316. Исключение составляли, видимо, некоторые — немногие — специалисты, не входившие непосредственно в администрацию и, может быть, воины. Наделы их, точно так же как и ранее (а равно и в более позднюю эпоху), постоянно менялись и перемещались по произволу администрации — см., например, письмо, изданное в статье: И. М. Дьяконов, Письмо к шумерскому царю Шу-Су-ну, ВДИ, 1939, № 1, стр. 59 сл., и переизданное в кн.: E. Sollberger, *Business and Administrative Correspondence under the Kings of Ur*, «Textes from Cuneiform Sources», I, N. Y., 1966, № 148. Оба предложенные чтения и перевода не вполне удовлетворительны. По-видимому, письмо нужно перевести: «Господину моему скажи: 4 ику „кормления“ (*kur*) Урдингиры, которые на урочище (*a-šag*) Ка-Мари имелись (*i-in-gál-ám* < **i-né-gál-a-ám*), (начиная) с года „Шу-Суэн стал царем“, Лу-Нин..., врач, забрал (*ba-an-tum*); с тех пор (*ki-u(d)-bé-ta*, не **kislaš-bé-ta*) 4 ику (на) урочище Лальтур господин мой выдал Урдингиру, (и) это поле Урдингира возделал; (затем) поле, раба (?), постройку (?) и всю утварь в ней (?) ЛуИбгаль забрал (*a-ša(g) ir(ad) (!) unū ū kam-kam-ba Lú-ib-gal i-ib-tum*); (этого) никто у него (раньше) не отбирал; (теперь) 3 ику у (поля) Лугальзизи (?) Урдингира возделал и он же оросил». Видеть в *uš unū ū KAM.KAM-ba* название урочища в Умме, подобного Ка-Мари и Лальтуру, как полагает Сольбергер, нельзя: все «урочища» (*a-ša(g)*) в Умме этого времени, в том числе Ка-Мари и Лальтур, нам известны; но такого названия, как *uš unū ū KAM.KAM-ba*, среди них нет. Вряд ли этот текст — письмо к царю, как я ранее думал.

⁴⁸ При этом на содержание рядового жреца-*gudū* выделялось около 2 га, высшего жреца — до 36 га; на лиц административного персонала приходились участки размером от 0,3 до 16 га — Струве, НДОТ, стр. 183 сл. (СТ, IX, табл. 47 b, 20015); Тюменев, ГХДШ, стр. 314.

⁴⁹ В период III династии Ура впервые в довольно значительном количестве стал применяться в царском хозяйстве и наемный труд — см. Струве, НДОТ, стр. 179 сл. Как полагает В. В. Струве, речь идет об обедневших и попавших в зависимость от храма и царя членах групп лиц, связанных родством и ведших коллективное хозяйство, но имевших недостаточно земли, — т. е., очевидно, о членах разорившихся домашних общин. Действительно, термин, которым обозначаются члены таких групп, — шум. *šeš-tab-(b)a* «брат-товарищ» — совершенно соответствует аккадским названиям членов домашних общин (*aḫḫū* «братья», *aḫḫū* «взаимно братья») и территориальных (*tappū* «товарищи» — см. САЗ, I (B + O), § 8). Но поскольку продажа полевых участков при III династии Ура была, видимо, запрещена, постольку у нас, нет документов, которые могли бы создать достаточную ясность относительно тех земельных отношений этого времени, которые существовали вне царского земельного фонда; но что такие земли были, видно из упоминания в некоторых текстах (например в судебных протоколах) главы совета старейшин и других должностных лиц, которые не засвидетельствованы внутри государственного хозяйства, и из других материалов. Как можно заключить из данных, опубликованных в работах: L. Matouš, *Les contrats de vente d'immeubles provenant de Larsa*, ArOr, XVIII, 4, 1950, стр. 11; он же, рец. на: W. F. Lee-man s, *The Old Babylonian Merchant and Legal and Economic Records from the*

подчинении всех этих тысяч практически рабских отрядов и учет их производства требовали от царского хозяйства непомерного напряжения и непомерных расходов на контрольный и надзирательский аппарат.

После падения III династии Ура (в результате событий, которые отчасти носили характер социального потрясения, подобного тому, которое пережило общество Египта на грани Древнего и Среднего царств), описанная система ведения царского хозяйства навсегда отошла в прошлое.

Начиная с первых веков II тыс. до н. э.⁵⁰ в Вавилонии царские земли (*eqlāt ēkallim*)⁵¹ делились на (I) собственно царский «дом» (*eqlum ša rēš ēkallim ukallu* или *eqlāt ēkallim* в узком смысле слова)⁵², (II) земли, выдававшиеся отдельным лицам — царским служащим (редко жрецам) и ремесленникам — за их службу (*eqlum kurummatum*)⁵³ и (III) земли, выдававшиеся через надзирателей сельскохозяйственных участков⁵⁴ в работу подневольным работникам-земледельцам⁵⁵. Последние получали за это, по-видимому, определенную долю урожая (эти земли назывались *eql biltim* или *eql isiltim*)⁵⁶. Именно эта часть царской земли была теперь наиболее обширной. Храмы вели отдельные хозяйства, но под контролем дворца⁵⁷. Храмовые земли имели ту же структуру, что и царские.

Все наделы на храмовой и царской земле в Вавилонии, как и в других странах Западной Азии этого времени, были в отличие от земель общинников-граждан либо вовсе не отчуждаемы, либо отчуждаемы под условием передачи связанной с наделом службы⁵⁸. Держатели их были обя-

Kingdom of Larsa, «Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis (Révue d'histoire de droit)», XXIII, 1955, стр. 345 сл., запрещение продажи недвижимости действовало, например, в Ларсе при Хаммурапи.

⁵⁰ В ремесле изменения наступили позже, чем в сельском хозяйстве, — см., например, V. E. Crawford, Sumerian Economic Texts from the First Dynasty of Isin, («Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies», IX), New Haven, 1954. О дате изменения всей системы хозяйствования в царских имениях см. Тюменев, ГХДШ, стр. 431 сл.; ОГСДШ, стр. 273 сл. Приводимые ниже данные по Южному Двуречью относятся преимущественно к Ларсе в правление Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). С целью сократить число ссылок я ссылаюсь преимущественно на материалы публикации Th. D., стр. 1 сл., хотя часть той же переписки опубликована также в статье: T. F. Ish Letters of Hammurabi to Samaš-hāšir («Manchester Cuneiform Studies», I, 1—2), 1951, стр. 1—8, 13—19 (автографы в «Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies», VII) и в кн.: G. R. Driver, Letters of the First Babylonian Dynasty («Oxford Cuneiform Texts», III), Oxf., 1924. Оба издания значительно расширяют и пополняют сведения о царском хозяйстве Ларсы при Хаммурапи, но не вносят принципиально новых данных. Также и материал других городов Двуречья — Куталлы, Ура, Нишпура, Дильбата, Синпара, Мари и т. д. — дает принципиально весьма сходную картину.

⁵¹ Так в переписке Хаммурапи — см. И. М. Дьяконов, *Muškenum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи, «Еос», LVII, 1, 1956, стр. 52; он же, Этнос и социальное деление в Ассирии, СВ, 1958, № 6 (далее — ЭСДА), стр. 53, прим. 53; *eql ēkallim* в Эламе — Ю. Б. Юсифов, Элам. Социально-экономическая история, М., 1968, стр. 219—220 и 247.

⁵² *Eqlum ša rēš ēkallim ukallu* — в переписке Хаммурапи (см. Th. D., 1; 5; 10; 18; 35), но *eqlāt ēkallim* в узком смысле — в Мари, например, ARM, VI, 3. Эта категория земли была невелика — во всяком случае, обрабатываемая, а не резервная ее часть. Так же и в Угарите — см. М. Л. Гельцер, «Царские люди» (*bnš mlk*) и царские хозяйственные центры (*gt*) в Угарите, ВДИ, 1967, № 2, стр. 32.

⁵³ Th. D., 46; 48; 55; 58 (сп. 11 и 67; сп. 51; 77). Сдача в аренду подобного участка — например, UET, V, 4, 6 сл.

⁵⁴ Они назывались *šatammum*, — см. Th. D., passim.

⁵⁵ Возможно, эти работники не имели права отказаться от надела и от труда на нем.

⁵⁶ Th. D., 8; 18; 30; 11 и сп. 39. *Eql biltim* и *eqlum kurummatum* вместе, видимо, назывались *eqlāt muškēnim*.

⁵⁷ Служебные наделы на храмовой земле выдавал царь — Th. D., 27; администрация храмов отчитывалась перед царем — BB, 15 (сп. BB, 16). Храмы имели своих *ššakkū* — BB, 67 (сп. ниже прим. 60).

⁵⁸ См. ЗХ, §§ 36—41; ХЗ, § 39.

заны перед царем службой⁵⁹ или поставкой продукции и, кроме того (всегда или в определенных условиях — неясно), различными поборами.

Сельскохозяйственные работники, группами обрабатывавшие определенные закрепленные за ними наделы царской земли категории *egel biltim* (так называемые *iššakkū*)⁶⁰ по происхождению были, по-видимому, не кто иные, как *гуруши* времени III династии Ура, ибо работники типа *гурушей*, несмотря на их огромную численность в XXI в. до н. э., бесследно исчезают как таковые в XX—XVIII вв. до н. э.

Из всей переписки Хаммурапи с управляющим царским хозяйством в Ларсе Шамашхазиром следует, что положение *iššakkū* было ниже положения других царских людей. Царская администрация лишь редко имела дело с ними непосредственно — чаще с их надзирателем, «в руке» которого числилась та или иная группа *iššakkū* (Th. D., 23); рабочий скот, инвентарь и земельный надел им выдавали сразу на всю группу. Всем *nāši biltim*, служба которых царю заключалась в создании материального дохода (*biltum*)⁶¹, а поэтому, очевидно, и *iššakkum*’ам — абсолютно заного прещалося отчуждение выданных от царя наделов, все равно, выданных на группу или индивидуально⁶².

⁵⁹ Для фактического несения службы царскими людьми нередко выставлялись заместители — ВВ, 147, сткк. 21 сл.; ср. ВВ, 195: некое лицо взялось исполнять сразу две службы, но не выставило никого ни на ту, ни на другую; Законы Хаммурапи (§ 26) запрещают выставлять заместителей только воинам, однако и воины, во всяком случае могли подменять друг друга — см. В. А. Якобсон, Правовое и имущественное положение воина *gēdum* времени I Вавилонской династии, ВДИ, 1963, № 2, стр. 137. Строгость санкции по § 26 ЗХ (смертная казнь) указывает на то, что выставление заместителей (и, следовательно, владение служебным наделом без несения службы!) было опасным для государства бедствием уже до Хаммурапи.

⁶⁰ О составе и подразделениях царских людей (*muškēnum* в широком смысле) см. также ниже, прим. 142. В целом они разделялись на следующие группы: а) лица, обязанные царю определенными служебными действиями (жрицы, *тамкары* и *ilkum aḫit* «несущие прочую службу»; б) воины; в) лица, обязанные царю поставкой ремесленной продукции (*muškēnum* в узком смысле?) и сельскохозяйственной продукции (*iššakkum*, шум. *ensī*, идеогр. PA.TE.SI); видимо, и те и другие назывались *nāši biltim* «приносящие доход (или дань)». Несение перечисленных видов службы не освобождало от налога (*miksu*, ZAG.ĜA; также, может быть, ZAG.U, NAM.U «десятина»); ср. также термины *namḫarti ēkallim* (любой «дворцовый побор» вообще), *zūtum* «взнос (ремесленников, рыбаков, пастухов и т. п.)», *nēmettum* «поставка» (так назывался, между прочим, побор и с питейных и торговых заведений и мн. др.); однако налоги может быть *šibsum* и *bāmātum* уплачивались общинниками. Существовали и другие поборы; как уже указывалось, отделить поборы общинные от поборов с царских людей мы пока не всегда умеем. См. подробнее F. R. Kraus, Ein Edikt des Königs Ammi-saduqa von Babylon, Leiden, 1958, о н ж е, Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon, «Studies in Honor of Benno Landsberger», Chicago, 1965, стр. 225 сл.; также, например, ВВ, 17; 56 (недоимки); 61 (недоимки); 71—74; НГ, III, 470; УЕТ, V, 612 и мн. др. Ранее я полагал (*Muškēnum*..., стр. 45), что термины *iššakkum* и *nāši biltim* «приносящий дань (доход)» Законов Хаммурапи (§§ 37—38) — синонимы. Однако недавно Ф. Р. Краус опубликовал текст, где *iššakkū* упоминаются отдельно н а р я д у с (более общим термином?) *nāši biltim* (Kraus, Ein Edikt des Königs Samsu-iluna..., стр. 225). По-видимому, «приносящий доход» — более широкое обозначение для царских работников, обязанных доставлением дворцу определенной продукции вообще. Во всяком случае, тот факт, что если *iššakkū* иногда и выделялись из остальных *nāši biltim*, то могли и включаться в их число, со всей бесспорностью вытекает из сопоставления контекстов Th. D., 35, 4—12; 39, 23—27 и 65, 17—21 (Дьяконов, *Muškēnum*..., стр. 45, особенно прим. 29); отсюда же видно, что *iššakkū* — это низшие по положению царские работники, занятые группами специально в сельском хозяйстве. Об их положении см., например, также Th. D., 8; 17; 23; 43 и мн. др.

⁶¹ В категорию *nāši biltim*, вероятно, часто попадали и выкупленные вавилоняне, побывавшие по той или иной причине в рабстве за рубежом, — ср. ЗХ, § 280 и F. M. Th. de Liagre Böhl, Ein Brief des Königs Samsuiluna, BiOr, VIII, 1951, стр. 50 сл.; RAss, XLVI, 1952, стр. 168. Ср. о зачислении выкупленного из рабства в царские люди НГ, III, 740.

⁶² К тому же *iššakkū*, как упомянуто, и обрабатывали надел, находившийся не в индивидуальном владении каждого, а полученный на группу, и находились «в руке»

Сходным было в этом смысле и положение воинов, однако они обладали рядом таких привилегий, которых *nāši biltim* были лишены, хотя сама должность последних так же была «вечной» (*dūr-šu*, ср. ВВ, 35 и 39), как и у воинов. Напротив, царские служащие, несшие службу, не связанную с созданием материального дохода (*ilkum aḫūm*), могли отказаться от должности, продав свой надел и передав свою службу покупателю (ЗХ, § 40, ср. § 38). При этом любой царский человек имел — при наличии средств, которые, конечно, случались далеко не у всякого, — полную законную возможность купить себе участок нецарской земли (ЗХ, § 39; Th.D., 69 и др.) и тем самым, очевидно, стать *awīlum*.

своего надзирателя; в этом отношении они напоминали *guruš*’ей времени III династии Ура, с той разницей, что *guruš*’и не были привязаны к определенному участку и вряд ли пользовались даже теми умеренными правами, какими обладали *iššakkū*; недаром женщины *guruš*’ей назывались *gīm* «рабыня» и привлекались ко всем работам на государственное хозяйство, а женщины *iššakkū* не считались рабынями и, соответственно, к работе на царя не привлекались. Женщины *iššakkū* вообще не упоминаются в составе персонала, занятого на царских землях. В III—II тыс. до н. э. в Двуречье женщины упоминаются на царских работах только в том случае, если они рабыни (исключение: женщины-носилищицы в раннединастическом Лагаше, иногда числящиеся в документах как рабыни, но чаще нет, — см. Тюменев, ГХДШ, стр. 149 сл.). Лично свободные жены царских служащих никогда ни в каких царских работах не участвовали. К сожалению, пока не установлены данные о том, какую долю сельскохозяйственной продукции *iššakkū* обязаны были сдавать государству, а какая оставалась на их прокормление; возможно, они работали исполу, если к ним относится термин *bāmātum* «половины» (?). В этой связи следует обратить внимание на стк. II, 21—35 пролога к ЗЛИ: ²¹ad-(d)a dumu-ne-[ne-ra (?)] ²²hu-mu-ne-gub-(b[a-àm] ²³dumu ad-(d)a-bé-[da (?)] ²⁴hé-eb-da-gub-(b)a-àm ²⁵é-ad-(d)a ²⁶é-[šēš-šēš-a-ka] ²⁷dù-a-[bé] ²⁸hé-súg-(g)a-[àm] ²⁹Li-pi-it-Eš-tár dumu ³⁰En-líl-(l)á-me-en ³¹é-ad-(d)a ³²é-šēš-šēš-a-ka ³³70 hē-gu(b) ³⁴é-guruš-saḡ-ašak[am] ³⁵[i]tid-(d)a u(d)(!)-10-àm hē-gu(b) «... я поставил отца нести повинность [ради (?)] его сыновей, сыновей поставил (тоже) нести повинность [за (?)] их отцом. (Раньше) „дом отца“ и „дом [(всех) братьев]“ целиком[ом] несли повинность, я же, ЛипитИштар, сын Энлили (так приказал): в „доме отца“ и „доме (всех) братьев“ 70 (дней в году?) пусть несет повинность (кто-либо один), (а) в доме, где одинокий мужчина, в месяц 10 дней пусть он несет повинность». Под «домом», конечно, понимается семья (фамилия), а под «одиноким мужчиной», очевидно, лицо, выделившееся из распавшейся домашней общины. Глагол *sú(g)* «идти, стоять» применяется к группе однородных подлежащих, а глагол *DU=gin, du* «идти» и, как полагает Д. О. Эдцард (D. O. Edzard, Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonians, Wiesbaden, 1957, стр. 96, прим. 489), также глагол *DU=gub* «стоять» — к одному подлежащему (в том числе и к коллективному единству); здесь эти глаголы передают акк. *alākum* «идти» → «нести повинность», или, соответственно, *uizuzzum* «стоять» → «служить». Загадочное выражение «70 пусть несет повинность» Эдцард переводит «70 (дней в году) пусть служит», ссылаясь на нашу работу ЗВАХ I, стр. 220, прим. 18. Реформа ЛипитИштара, очевидно, сводилась, во-первых, к ограничению несения повинности на государство выделением на нее только по одному лицу от каждого «дома» — большесемейной общины, возглавлявшейся отцом («дом отца») или неразделенными братьями («дом (всех) братьев» — обобщающе-инклюзивное множественное); и, во-вторых, к ограничению этой повинности определенным сроком. Эдцард (там же, стр. 97) ставит вопрос — относится ли эта реформа к царским людям или ко всем подданным царя вообще и, хотя без всякой уверенности, склоняется к тому, что речь идет только о *muškēnū*. Однако текст ЛипитИштара не только не содержит какой-либо оговорки относительно распространения данного порядка лишь на определенную часть населения, но, напротив, прямо указывает, что он относится к членам территориальных общин — гражданам («сынам») городов Нишпура, Ура, Иси-на и всего Шумера и Аккада (стк. II, 10 сл.). Эдцард ссылается на текст PBS, V, 74, VI, 17 сл. (к сожалению, точно не датируемый): *mašdā itid-(d)a u(d)-4-àm hē-gu(b)* — «*muškēnūm* в месяц 4 дня пусть служит»; очевидно, речь идет о сокращении службы *muškēnū*, причем до пределов, значительно меньших, чем сроки, устанавливаемые ЗЛИ. По-видимому, это объясняется тем, что в обоих текстах речь идет не о службе вообще (для *muškēnū*) и не о повинности вообще (для общинников), а специально о прямых работах на царя, к которым равно были обязаны и общинники, и царские люди: в связи со свертыванием непосредственно царского полевого хозяйства после III династии Ура такие работы и могли быть сокращены, так как сводились теперь только к работам строительным, оросительным и т. п. Мы уже видели (ВДИ, 1968, № 3, стр. 6, прим. 6), что трудовой повинности в смысле участия в таких работах

Несмотря на весьма приниженное свое положение, ни мужчины, ни женщины *iššakkū* рабами не считались, а относились, видимо, к разряду *muškēnū*⁶³; от других *muškēnū* все *nāši biltim* (как мы полагаем, и *iššakkū* в их числе) отличались только тем, что их служба состояла в производстве материальной продукции (для *iššakkū* — в непосредственной обработке земли) и обеспечении доходов (*biltum*) дворца, и что выделенные им участки были неотчуждаемы даже на условии принятия приобретателем их службы на себя⁶⁴. Администрация могла по усмотрению переводить работников, временно или постоянно, в воины и в другие категории царских служащих⁶⁵, хотя такая практика не поощрялась правительством Хаммурапи. Известен случай передачи участков *iššakkū* в аренду высокопоставленному жрецу, — очевидно, вместе с правом на получение от них продукции⁶⁶?

Но царских людей первой категории — служилой и ремесленной — *uṣṣiakku* не обслуживали: лишь немногим из числа царских служащих в Вавилонии этого времени выдавались значительные наделы (даже крупнейшим должностным лицам)⁶⁷, и они обрабатывали свои участки либо

подлежало все население, но в первую очередь именно общинники (а не царские люди). В Эламе все население привлекалось, по крайней мере в определенный период его истории, возможно, и к обработке храмовых земель — по крайней мере существовал особый «месяц обработки поля бога» (см. Ю с и ф о в, Элам, стр. 258 сл.). Эдгард ставит далее вопрос о том, почему число дней, обрабатываемых в году представителем от семьи, не делится на число месяцев; ответ заключается, вероятно, в том, что работа была неравномерно распределена в течение года, например, увеличивалась в месяцы оросительных работ и строительства (для которого также имелся свой сезон).

Что же касается нормы эксплуатации царских работников в Вавилонии, несомненно, более низкой, чем при III династии Ура, то о ней рассмотренные тексты ничего не говорят; но мы знаем, что если сбор продукции поручался (для ее реализации путем продажи) царским тамкарам, то доля царя составляла $\frac{1}{3}$; при этом, несомненно, весьма значительная часть дохода оседала у тамкаров. См. Р. К о с с а к е r, Zur staatlichen Wirtschaftsverwaltung..., ZAss, NF, 13(47), стр. 145, 157 слл.

⁶³ В Мари *muškēnū(tum)* назывались также синонимичным термином *labnūtum* (с тем же значением «поверяющиеся ниц»). *Labnūtum* служили и в ополчении — см. ARM, II, 1, 11—23. О *muškēnum* см. подробно Дьяконов, *Muškenum...*; E. A. S p e i s e r, *The muškēnum*, Or, 27, 1, 1958, стр. 19 сл.; ср. W. von S o d e n, *Muškenum und die Mawālī des frühen Islam*, ZAss, NF, 22(56), 1964, стр. 133 сл. Справедливо отвергая аргументы Ф. Р. Крауса, согласно которому *muškēnum* — любой подданный царя, кроме знатного, фон Зоден считает, что *muškēnum* — царский служащий, однако не всякий, а лишь бывший кочевник, прибегнувший под покровительство царя. Такое ограничение понятия *muškēnum* не представляется нам оправданным. Не следует забывать, что для 3X *muškēnum* — одна из трех основных категорий населения наряду с *awilum* и *wardum* (рабом). Нам представляется, что оседание кочевников было одним из возможных, но далеко не главным путем образования социальной категории царских людей, которая, хотя и под другими названиями, существовала в Двуречье почти с тех пор, как существовало само «государственное» хозяйство. Разделение общества на (1) полноправных собственников, (2) несобственников, владеющих средствами производства лишь условно, и (3) рабов (соответствующее разделение общества на группы *awilum*, *muškēnum* и *wardum* в 3X) представляется для древнего Ближнего Востока естественным. Другое дело, что редко встречаемый в шумерский период термин *maš-ka(g)-en* = *muškēnum*, видимо, имел до старовавилонского периода, как уже упоминалось, более узкое значение.

⁶⁴ 3X, §§ 37—38.

⁶⁵ BB, 35—38. Однако должность *iššakkum* (как и некоторые другие должности работников) считалась «вечной», и перевод одного из них в воины был по его жалобе признан незаконным — BB, 39.

⁶⁶ BB, 67.

⁶⁷ Следует при этом учесть сильное падение урожайности почвы в Вавилонии этого времени. Максимальный надел из царской земли, известный мне в Ларсе, достигал размера 75 га (12 būr — Th. D., 49). Царские служащие высшей категории имели наделы от 2 до 12 būr, т. е. от 12 до 75 га; служащие средней категории и воины — 1,5—2 būr, т. е. 9—12 га; наделы, выдававшиеся на группу работников (такие наделы, по-видимому, назывались *amirtum*) имели обычно размер 1—3 būr. Такие участки, как мы увидим (см. прим. 68), означали, что сидевшие на них люди кормились впроголодь или

сами с чадами и домочадцами — включая и рабов, число которых и в самом богатом хозяйстве не превосходило немногих десятков ⁶⁸, — либо сдавали эти участки в частную аренду более состоятельным из общинников или другим царским людям, располагавшим необходимой рабочей силой ⁶⁹.

Весьма любопытна проблема взаимоотношений между царско-храмовым хозяйством и частными хозяйствами общинных фамилий и отдельных царских служащих. Если исходить из документальных данных по Юж-

были вынуждены прирабатывать на стороне (данные о размерах участков взяты из переписки Хаммурапи с Шамашкизиром). Участок главы индивидуальной, семейной ячейки на пещерской (общинной) земле мог иметь размер от 1 га и меньше до 10—12 буг. Например, частное имение Ламассани, жрицы-затворницы бога Шамаша в Сиппаре (*naditum*), достигало 60 га (НГ, III, 424). Более крупные имения были весьма редки.

68 Исхода из существовавших в древнем Двуречье рабочих норм и обычной численности индивидуальной семьи в 5 человек, из них 2—3 работоспособных (см. об этом ОГСДШ, стр. 118 сл.), можно считать, что участок поля размером свыше 5—6 га (1 bùr) без привлечения чужого труда обработать было трудно: для того, чтобы всахать и взборонить такой участок силой индивидуальной семьи (т. е. не домашней общины), нужно было около месяца. Норма пахоты с плугом и бороньбы — работы, требовавшей троих работников, — составляла 192 человекодня на 2 bùr (16—17 человекодной на гектар — см. Струве, НДОТ, стр. 172 = ТЕО, 5676, IV, 2 сл.). Что касается урожайности, то в раннединастическое время она могла составлять, по подсчетам Р. М. Адамса и Т. Якобсена (Th. J a k o b s e n and R. M. A d a m s, Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture, «Science», № 128, 1958, стр. 1252), в среднем 2500 л на 1 га или около 20 тыс. sila на 1 bùr, однако ко времени Хаммурапи в результате засоления почвы упала до 900 л на 1 га или 7000 sila на 1 bùr. Исхода из обычных норм прокорма (как они засвидетельствованы в государственных хозяйствах), это значит, что на среднюю индивидуальную семью в 5 человек нужно было около $\frac{1}{3}$ bùr в раннединастический период и 1 bùr — в старовавилонский; но, учитывая налоги и поборы, размер необходимого участка следует, вероятно, примерно удвоить. Поскольку же семья в 5 человек, надо полагать, не могла обработать самостоятельно участок значительно более 1 bùr (около 6,3 га), постольку, очевидно, многие царские служащие и общинники эксплуатировали чужой труд. Но частных кленов, прибегающих под патриархальную защиту, из документов этого времени уже более не известно, наемников же можно было получить немного и лишь на краткое время (например во время жатвы), так как обезземельные беднейших земледельцев еще не зашло далеко, — так что речь может идти, очевидно, прежде всего о рабах, долговых или купленных (ибо, если говорить о собственно Вавилонии, то здесь в это время домашнеобщинная взаимопомощь и привлечение к работе домохозяев не были столь развиты как на периферии или как ранее в Шумере). О численности рабов в вавилонских частных хозяйствах нам известно мало; ср. ВДИ, 1968, № 3, стр. 24. Вероятно, в самых богатых хозяйствах могло быть два, три, даже четыре десятка рабов, и они, несомненно, как и в Ассирии (ср., например, КАИ, 7; РЗОА, стр. 61), работали и дома, и в поле. О рабах-чужестранцах см. НГ, III, 430; V, 1154. Ср. НГ, III, 431; IV, 970; V, 155 и др. О бегстве частных рабов см. ВВ. 416.

⁶⁹ Из всех обществ Ближнего Востока первой половины II тыс. до н. э. аренда (*šasšutum, erresšutum, nukaribbūtum/lakuruppūtum*) характерна главным образом для наиболее развитой области — Вавилонии и отчасти для находившегося под ее влиянием Элама. Встречается и аренда земли беднякам (это выявляется, например, в случаях когда арендуются целина, и арендатору приходится выдать дополнительный клочок земли для прокорма, пока поднятая целина начнет давать урожай — НГ, III, 631; 633—635; 637—641; 657 и др.); из прим. 68 и 77 настоящей статьи видно, что беднейшим из царских служащих и, несомненно, также и беднейшим из общинников не хватало их наделов для пропитания семьи. Но далеко не у всех были и рабочие руки, чтобы можно было приарендовать еще земли. Ремесленники, вероятно, пополняли доходы продажей своих изделий; беднейшие общинники шли в кабалу. Поэтому, видимо, арендовали землю чаще не бедняки, а напротив, зажиточные лица, обладающие достаточным фондом рабочей силы, например, царица (НГ, III, 636), царевна (НГ, III, 594; 665), царские служащие (НГ, III, 628 и 673), высокопоставленный жрец (ВВ, 67) и др.; сдавали землю в аренду часто тоже царские служащие (НГ, III, 607; V, 1185 и др.). Широкое распространение аренды именно в Вавилонии связано, без сомнения, с тем, что здесь царские служащие получали наделы из царской земли, но им не предоставляли рабочей силы.

ному Двуречью III тыс. до н. э. — а это десятки тысяч архивных документов, — то складывается впечатление, что государственные хозяйства того времени работали почти исключительно на двор, на храм и отчасти на вывоз; при этом представляется, во-первых, что существование храмовых хозяйств было важно для граждан, помимо идеологических причин, тем, что участие в жертвоприношениях и разнообразных праздничных выдачах, как уже упоминалось, было источником дополнительного питания: храмовое хозяйство было резервным продовольственным фондом для населения; во-вторых, что для государства общины были важны как источник дохода (в виде различных сборов) и рабочей силы (для строительства ирригационных, культовых и военных сооружений)⁷⁰, а так же как резерв живой силы на случай войны. При этом кажется, что эти два отношения, между государственным и общинными хозяйствами, в основном, и ограничивались. Несмотря на то, что на территории и в составе государственных хозяйств были сосредоточены значительные и разнообразные ремесленные мастерские (можно даже сказать, что почти все профессионализированное и специализированное ремесло было сосредоточено в государственных хозяйствах)⁷¹, и несмотря на то, что государственные хозяйства обладали также весьма значительными зерновыми запасами и скотом, сведений о продаже (а не выдачах) каких-либо товаров царско-храмовыми хозяйствами местному населению для III тыс. до н. э. практически нет⁷². Между тем расход материальных ценностей в храмовых хозяйствах строго учитывался, и данные о подобных продажах должны были бы до нас дойти.

К сожалению, наши историко-экономические исследования до сих пор часто сводились лишь к поискам рабов в хозяйствах различного типа, или, в лучшем случае, к попыткам выяснить статическую классовую структуру общества. Почти совершенно не было исследований, посвященных функционированию общественно-экономического механизма, и, в частности, сфера потребления и в особенности обращения не изучалась, хотя совершенно очевидно, что без этого нельзя понять ни характера, ни задач общественного производства. В результате в настоящей работе, хотя она и имеет в некотором роде итоговый характер, оказывается невозможным заполнить существенные пробелы в наших историко-экономических знаниях. Исследование обращения является, безусловно, насущнейшей за-

⁷⁰ Об общинных военных, строительных и других повинностях см. ВДИ, 1968, № 3, прим. 6 и 71—72; для времени «Царства Шумера и Аккада» (III династия Ура) Тюменев, ГХДШ, стр. 375 сл. (к документу СТ, X, 14612). В нем, по мнению А. И. Тюменева, речь идет о привлечении общинников на строительную повинность на базе разверстки по отдельным домашним общинам («кровнородственным объединениям»). Здесь же он объясняет *ugula ugi* (термин, на основе которого В. В. Струве строил концепцию о вовлечении самих общин в царско-храмовое хозяйство, — см. Струве, Община, храм и дворец, ВДИ, 1963, № 3, стр. 18 сл.) как «надзирателей-начальников рабочих партий, поставленных в порядке общественной повинности от городской общины». Вопрос этот остается недостаточно ясным. Царские работники привлекались, во всяком случае, только на второстепенные ирригационные работы в пределах самого царского хозяйства. Относительно их привлечения к военной службе в III тыс. до н. э., см. ВДИ, 1968, № 3, стр. 18 и здесь прим. 21.

⁷¹ См. Тюменев, ГХДШ, *passim*; М. Л. Гельцер, Организация ремесленного производства в Угарите, ПС, 13 (76), 1965, стр. 48 сл. Разумеется, кузнечное, ткацкое и керамическое домашнее производство, не отделенное от сельского хозяйства, было широко развито и, вероятно, в период после падения шумерских псевдолатифундиальных хозяйств, и оно в Вавилонии (и в несколько меньшем масштабе — на периферии) достаточно широко работало на обмен.

⁷² Ср., однако, операцию, отраженную в связанных между собой документах DR, 563 и Gb., 183, разобранных в работе Струве, Община, храм и дворец, стр. 29 сл., — 17 храмовых служащих покупают у Sa(g)-sa(g), жены Урукатины, шерстяную пряжу (*sík-sur*).

дачей нашей науки⁷³; в частности, необходимо изучить действительный уровень товарности общественного производства, так как наше представление о древнем ближневосточном хозяйстве как о хозяйстве в основном натуральном, видимо, нуждается в проверке и уточнении. В раннединастический период (XXIV в. до н. э.) даже управляющий хозяйством храма Ва-У получал в пользование земельный надел всего в 3 bùr; средний служебный надел составлял всего $\frac{1}{18}$ — $\frac{1}{6}$ bùr (Тюменев, ГХДШ, стр. 152; поборов с этих наделов не было). Это давало при тогдашней норме урожайности в 20 тыс. sila на bùr от приблизительно 1 тыс. до приблизительно 3,5 тыс. sila урожая плюс 1—1,5 тыс. sila, которые такой служащий получал натуральным довольствием от храма. Между тем на индивидуальную семью в 5 человек требовалось около 4—5 тыс. sila в год. Таким образом, это были еще явно небогатые хозяйства. Темесленными изделиями их снабждало храмовое хозяйство в целом. II тыс. до н. э. мало что знаем достоверного о больших владениях, тогдашней общинной организации, вероятно, обслуживавшейся «клиентами» и дальними родственниками⁷⁴. В общем о хозяйствах граждан-общинников. У нас для этого времени необходимо поставить перед собой вопрос: мы знаем, что торговые агенты храма (*тамкары*), доставлявшие металл, шелк, т. п. в Двуречье, будучи служащими царско-храмовых хозяйств, понимали задачи и от частных лиц и таким образом, это сырье попадало в виде товаров — металлов, тканей, дверей, потолочных балок и т. п. к сельским хозяевам, жившим и работавшим на внехрамовой земле. Но значит ли это, что тогдашнее хозяйство, а также держатели более крупных из служебных наделов именно таким образом вкладывали в дело тот излишек хлеба, который они производили? Ведь явно в больших количествах, а не само их хозяйство, соблоб было потребить? Действительно как установил В. Ф. Лесманс, Двуречье вывозило сравнительно мало хлеба и преимущественно на побережье Персидского залива, в то время как ввозились золото, серебро, медь, смолы, лес и рабы со всех четырех сторон света⁷⁵. Между тем имен-

⁷³ Сейчас можно пользоваться книгами: W. F. Leemans, *The Old Babylonian Merchant*, Leiden, 1950; он же, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden, 1960; сами по себе эти работы превосходны, но, к сожалению, наблюдения автора не увязаны с общей картиной производственных отношений в обществе Двуречья. Из советских работ статья Н. Б. Янковской «Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы» (ВДИ, 1956, № 1, стр. 28 сл.) относится к более позднему периоду, а ее же работа «Международное торговое объединение в Канише» (ВДИ, 1965, № 3 — далее МТОК, — стр. 179 сл.) только намечает некоторые из проблем, подлежащих исследованию для II тыс. до н. э. См. также P. Garelli, *Les Assyriens en Cappadocie*, P., 1963).

⁷⁴ Возможно, по составу трудящегося персонала владения шумерской знати были сходны, с одной стороны, с шумерскими же храмовыми хозяйствами, а с другой — с хозяйствами «домов» вельмож Египта Древнего царства. Рабочий персонал последних прибегал к мелкому обмену и даже к мелкой торговле за весовые деньги на местном базаре — см. Ю. Я. Перенелкин, *Меновые отношения в староегипетском обществе*, СВ, VI, 1949, стр. 302 слл. Что касается степени товарности самих древнеегипетских вельможных хозяйств, то опубликованные данные пока, по-видимому, не позволяют судить о ней с достаточной определенностью; вероятно, уровень товарности производства был в них весьма невысок.

⁷⁵ См. Lamber, *Textes commerciaux de Lagash*, RAss, 1953, № 2, стр. 58 слл.; № 3, стр. 105 слл., *passim*.

⁷⁶ См. Leemans, *Foreign Trade*..., стр. 116—139. Основными предметами вывоза из Двуречья III—II тыс. до н. э. были ткани (а также олово, душистые смолы и масла и т. п., но в этом случае Месопотамия была только перевалочным этапом международной торговли, главным образом между Средиземноморьем и Ираном). Что до ввоза, то золото, видимо, ввозилось из Индии (Мелухи) через Дильмун (о-ва Бахрейн), так же как ряд ценных сортов дерева, слоновая кость, сердолик и др.; медь — как из Малой Азии сухим путем, так и с юго-востока через Дильмун по морю; олово — из совр. Иранского Азербайджана через Ашшур; лес, помимо Индии, получался сплавом вниз

но хлебом обладали в излишке наиболее значительные хозяйства Вавилонии и в III и еще во II тыс. до н. э.⁷⁷

Трудно сомневаться в том, что, во-первых, международный обмен (поскольку только он мог разрешить сырьевую проблему) играл ведущую роль в экономике по сравнению с внутренним обменом; во-вторых, что, хотя международный обмен базировался в Вавилонии главным образом на накоплениях в государственных хозяйствах, однако в нем участвовали и частные лица (домашние общины за пределами царско-храмового хозяйства и отдельные царские служащие); в-третьих, что из Вавилонии экспортировались прежде всего продукты ткацкого ремесла, а так как домашнее ремесло в III тыс. до н. э. еще не могло конкурировать с большими государственными ткацкими мастерскими⁷⁸, а в начале II тыс. частные большие ремесленные мастерские все же были редки, между тем как металл и дерево были нужны всякому хозяйству, — то все это значит, что для участия в импортной торговле частные⁷⁹ хозяйства должны были располагать серебром⁸⁰; в-четвертых, что как для приобретения серебра,

по Евфрату из Сирии и Малой Азии; отсюда же шло вино; рабов (точнее — преимущественно рабынь) в основном пригоняли с гор к северу и северо-востоку от Месопотамии и из степи, но не в больших количествах.

⁷⁷ Вспомним, что 2 буг земли — обычный надел воина или среднего царского служащего — мог в старовавилонский период дать до 14 тыс. *sila* урожая. Норма посева на 2 буг составляла 1000—1800 *sila* (см. В. Мейсснер, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920 и поправку в т. II, стр. 492). Допустим, в семье такого служащего было два вола, получавших в год около 4400 *sila* ячменя (см. Тюменев, ГХДШ, стр. 326). Все же на прокорм семьи оставалось еще 7—8 тыс. *sila*. При годовой норме на одного полноценного работника-мужчину в 4×365 *sila* и на женщину — в 3×365 *sila* такое хозяйство вполне могло бы и при этих условиях прокормить семью в 4—5 чел. в объеме рациона, существовавшего в государственных хозяйствах. Правда, мы знаем, что царские служащие (и в собственном смысле, и работники — *nāši biltim*) должны были уплачивать натуральный налог сверх своей обязанности нести службу; тем более его уплачивали прочие граждане, причем не исключено, что налог доходил даже до половины урожая (см. W. von Soden, *ANW*, s. v. *bāmtu*), поэтому норма земли менее чем в 2 буг не обеспечивала среднюю семью в достаточной мере. В то же время при участке земли в 5 буг, хотя и необходима была дополнительная рабочая сила, но при этом излишки хлеба семье были обеспечены. А богатая жрица-затворница Ламасани в Сиппаре сдавала в аренду 10 буг своей собственности земли (т. е. не служебной и не принадлежавшей ее фамилии); поскольку же аренда могла быть исполненной или из трети, постольку это соответствует валовому доходу в 20—30 тыс. *sila*. Такое хозяйство можно было бы считать за товарное, но для этого необходима уверенность, что на его излишний хлеб были покупатели. Однако хозяйства, сами имевшие излишек хлеба, его не стали бы покупать, а хозяйства, едва сводившие концы с концами, не имели бы на это средств. Значит, этот излишний хлеб можно было либо продавать узко специализированным хозяйствам (садоводческим, ремесленным — но ведь и ремесленники имели свои земельные наделы!), либо кредитовать этим хлебом маломощные хозяйства от урожая до урожая или до получения выручки за ремесленную продукцию и т. п. Целью в этом случае было подчинение таких хозяйств и увеличение фонда рабочей силы «дома». Однако, судя по составу утвари в документах раздела имущества, в небольшом объеме внутренний товарный рынок (бытовой) в старовавилонском обществе все же существовал.

⁷⁸ В одной государственной ткацкой мастерской при III династии Ура могло работать 800 и более рабынь — см. Тюменев, ГХДШ, стр. 348 (G. Reissner, *Tempelurkunden aus Telloh*, В., 1901, № 164/19; ср. также, например, хотя бы обширные кожевенные мастерские Исины XX в. до н. э. — V. E. Crawford, *Sumerian Economic Texts*...).

⁷⁹ В настоящей работе термин «частный» употребляется как противоположность «государственному»; смысл «индивидуальный» в этот термин не вкладывается. Имеются в виду хозяйства домашних общин или семейных ячеек внутри них. Такое хозяйство (представленное своим главой — патриархом, обладающим в отношениях с внешним миром всеми полномочиями частного собственника) является частным по отношению к гражданской общине, но отдельные его члены частными хозяевами не являются, а входят в домашнеобщинный хозяйственный коллектив.

⁸⁰ Ср. частично уже в раннединастический период (XXIV в. до н. э.): при торговле с эламским побережьем Персидского залива часть заказчиков наряду с хлебом давала *тамкарам* для покупки товаров серебро (Ник. I, 313: два из трех заказчиков; Ник.

так и для осуществления регулярного бытового обмена в натуральных продуктах при отсутствии постоянного товарного рынка⁸¹ мелкие сельскохозяйственные специализированные свободные хозяйства, целью производства которых было лишь удовлетворение внутренних нужд (включая воспроизводство), нуждались в кредите⁸²; в-пятых, что в условиях широкой и острой потребности в кредите именно возможность легкого дохода путем кредитования подобных хозяйств и была той движущей силой, которая заставляла создавать крупные частные (включая домашнеобщинные) полевые хозяйства⁸³. Эти пять пунктов высказываются здесь в порядке рабочей гипотезы, нуждающейся в тщательной проверке.

Падение гигантских псевдолатифундиальных хозяйств времени III династии Ура привело к существенной перестройке экономики Двуречья. Отдельным царским людям была предоставлена весьма значительная хозяйственная инициатива; действительно, теперь не только общинные семьи, но и царские служащие вели собственное хозяйство на свой страх и риск, что приводило к росту товарности частного производства. Ремесленники получили возможность реализовать продукцию на товарном рынке либо сами, либо через царских сборщиков (которыми являлись те же *тамкары* или возглавлявшие их лица), а с царским хозяйством они получили возможность расплачиваться серебром⁸⁴. В связи с этим, как всегда в древности при подъеме уровня товарности, расширяется собственно рабовладельческий (в прямом смысле) хозяйственный уклад; возникает частное предпринимательство в области международной и посреднической торговли и крупного ремесла; возникает временный⁸⁵ расцвет част-

I, 310; один из четырнадцати заказчиков). Но заказчики Эанацира, импортера меди и владельца крупной литейной мастерской в Уре XVIII в. до н. э., расплачивались с ним уже исключительно серебром — см. UET, V, 5; 6; 20; 23; 81; 367; 428 = L e e m a n s, Foreign Trade..., стр. 36 сл.

⁸¹ Обмен через бытовой рынок, преимущественно обмен натуральный, несомненно, существовал очень рано; о нем мы наглядно знаем из Египта Древнего царства — см. Ю. Я. П е р е п е л к и н, Меновые отношения в староегипетском обществе, СВ, VI, 1949, стр. 302 сл.; однако операции и на этом рынке были крайне ограничены не только ввиду безденежности обмена, но и особенно ввиду сезонного характера производства и не могли осуществляться сколько-нибудь широко без кредита, а еще большую роль неизбежно играл кредит для приобретения сырья, возможного лишь через опасный и неустойчивый внешний рынок.

⁸² См. о сезонном характере натурального обмена ВДИ, 1968, № 3, стр. 20—22. О роли серебра в древней Западной Азии специальных исследований пока нет; на необходимость их указывает Лееманс (L e e m a n s, Foreign Trade..., стр. 130; там же некоторые предварительные замечания). Известно, однако, что хотя еще в XXIV в. *тамкары* брали иной раз от своих заказчиков серебро для закупок за рубежом (см. прим. 80), но в XXIII в. при покупке земель по Обелиску Маништушу (см. ОГСДШ, стр. 71 сл.) уплата производилась еще в натуре, хотя мерилом стоимости служило серебро. В старовавилонский период в подавляющем большинстве сделок отмечается уплата в серебре.

⁸³ На роль кредита в экономике подобного типа и на его характер впервые обратила внимание Янковская (Распад..., стр. 18).

⁸⁴ См. P. K o s c h a k e r, Zur staatlichen Wirtschaftsverwaltung, ZAss, NF, 13 (47), стр. 164; L e e m a n s, The Old Babylonian Merchant, стр. 103 (продажа рыбы, шерсти). Большой материал, собранный М. Ламбером для времени Уруккины и его предшественников (XXIV в. до н. э.) в его статье «Textes commerciaux de Lagash», II (RAss, XLVII, 3, стр. 105 сл.) к вопросу о торговле почти не относится: он большей частью представляет документы выдач серебра служащим или, например, выдач меди как сырья для кузнеца храма (R¹C, 23 и 24), или же уплаты торговым агентам храма либо рыбакам за доставленный продукт; в редких случаях это подарки, обмениваемые между двумя шумерскими городами-государствами или сделки между храмовой администрацией и ее собственными служащими (например, Fö., 183). Как правило, собственно торговые сделки носят характер натурального обмена.

⁸⁵ О неустойчивости политических и экономических конъюнктур, вызывавших временные скачки в развитии международной торговли см. L e e m a n s, The Old Babylonian Merchant, особенно стр. 331—339.

пособственнических тенденций и частного права⁸⁶. Нормы рабского права Вавилонии в это время за всю ее историю ближе всего к античным.

Но ввиду все же недостаточного развития внутреннего товарного рынка особенно сильно расцветает ростовщичество, несмотря на половинчатые меры, принятые против него Хаммурапи (ЗХ, §§ 88—96). В ростовщичество вовлекаются и храмы⁸⁷ наряду с крупными царскими служащими, особенно торговыми агентами-сборщиками (*tamkārū*) и крупными ремесленниками-скупщиками (*ummi'ānū*); самые термины *tamkārū* и *ummi'ānū* получают дополнительное значение «ростовщик, кредитор»⁸⁸. При этом *tamkārū* и *ummi'ānū* одно время даже порывают связь с государственной организацией и выступают как частные представители ростовщического капитала⁸⁹.

Как показали Р. М. Адамс и Т. Якобсен⁹⁰, нерациональные методы орошения почвы в Двуречье непрерывно приводили к засолению почв

⁸⁶ Характерно, что все известные нам до сих пор сборники законов древней Западной Азии датируются: сборник Ур-Намму (очень краткий) — XXI в.; Законы Эпнуны — XX в.; Законы ЛипитИштара — XX в.; Законы Хаммурапи — XVIII в.; Хеттские законы — XVI (?) в.; Среднеассирийские законы, — видимо, не позже XV в., так как это — законы города-государства Ашшур, а не Ассирийской державы. Ранее этого известно (и только в пересказе) лишь очень примитивное законодательство Урук-агины (XXIV в. до н. э.), позднее же, в I тыс. древнееврейское «законодательство» носит не чисто юридический, но также религиозно-обрядовый и моральный характер; от нововавилонских законов известен только маленький фрагмент, а о законодательстве Ахеменидской державы есть только смутные известия; зато дошло немало фрагментов поздних копий все тех же Законов Хаммурапи. Почти все дошедшие сборники законов II тыс. до н. э. в основном посвящены правовым ситуациям, приводившим к столкновениям между унаследованными порядками традиционной общины и традиционного царского хозяйства с возникавшей именно в это время частной деловой практикой. См. также ЗВАХ I, ВДИ, 1952, № 3, стр. 262.

⁸⁷ В Двуречье примеры довольно многочисленны, см., хотя бы, роль храма бога Сина в Тутубе и его жрецов (R. H a g r i s, The Archive of the Sin Temple in Khafajah (Tutub), JCS, IX, 2, 1955, стр. 31 сл.; IX, 3, 1955, стр. 59 сл.), на которую обратил внимание А. И. Тюменев (ГХДН, стр. 432). В Алахе — АТ, *18 — *32 и *36.

⁸⁸ См. в ЗХ, §§ 49—52, 66, 89, 100—119 — *tamkārū* в смысле «кредитор»; *ummi'ān-ši* в смысле «его кредитор» — см., например, УЕТ, V, 114, 8—11 и др. Любопытно развитие этого термина из шум. um-mi-a «учитель» («учитель» → «мастер» → «ремесленник-скупщик» → «ростовщик, кредитор»).

⁸⁹ В Ларсе до ее завоевания царем Хаммурапи в 1762 г. до н. э. торговые агенты (*tamkārū*), составлявшие тесно сплоченную группу или даже корпорацию, видимо, очень мало были связаны с царским хозяйством (L e e m a n s, The Old Babylonian Merchant, гл. VI); точно также в Кише (M. S c h o r g, ABRU, 170). Ассиро-аморейские купцы в торговых станах и факториях Малой Азии были и вовсе не связаны с царем, а скорее с местными торговыми организациями, зависевшими от общинных храмов в районах, где велась зарубежная торговля, — см. Н. Б. Яковская, Тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР, М., 1968, Введение, раздел 3 «Организация торговли»; ср. о н а же, МТОК, стр. 187 (там же о том, что торговые «товарищества» строились на базе домашних общин). Но при Хаммурапи тамкары были царскими служащими, хотя и вели обширную частную торговлю и ростовщическую деятельность, подробно регламентируемую в ЗХ. О роли *tamkārū*, *wakil tamkārū* и *wakil amurri* в качестве сборщиков (*mušaddinūtum*) поставок с царских людей (*zūtum*) в пользу дворца (*namḫarti ekallim*) см. L e e m a n s, The Old Babylonian Merchant, стр. 69—77, 81—95, 100—106. Сами торговые агенты, — *tamkārū*, — тоже упоминаются в конце династии Хаммурапи в связи со сдачей в царское хозяйство определенного сбора, *igisū* (BB, 70; 72). Лееманс склонен, по-видимому, считать, что это налог с самих тамкаров; нам кажется более вероятным, что тамкары были ответственные за сбор этого налога с населения; см. также K r a u s, Ein Edikt des Königs Ammi-šaduqa, § 9. Собирали ли те же лица налоги также и с общинников, — неясно: тексты говорят о «сборщиках» (выражение *mušaddinūtum* «заставляющий давать», параллельно *mušēpišum* «заставляющий делать»; последний вызывал общинников на трудовую повинность), но это — не звание, а только наименование функции, которая, возможно, могла поручаться различным должностным лицам. Аналогичную роль могли играть не только *tamkārū*, но и подчиненные им *šamallū* «коробейники» — так, например, в Алахе: АТ, *321 (см. М. Л. Г е л ь ц е р, Некоторые вопросы политической истории древнего Алаха, ВДИ, 1956, № 3, стр. 31, прим. 6).

⁹⁰ J a c o b s e n and A d a m s, Salt and Silt..., стр. 1251 сл.

и падению урожайности. Этот процесс до известной степени компенсировался освоением новых земель в результате изменения русел Евфрата и Тигра. Но в связи с развитием ростовщичества, тормозившего прогресс общества, с середины II тыс. до н. э. Вавилония стала переживать глубокий упадок, выразившийся, среди прочего, в новом росте домашнеобщинных организаций за счет крупных индивидуально-семейных хозяйств, в падении размаха международной торговли при династии касситов, а также в уменьшении притока металлов и другого сырья в страну.

Уже ко времени начала II тыс. до н. э. государственное (царское и храмовое) хозяйство давно утратило свою роль общественного запасного страхового фонда — социальные функции государства (помимо поддержания существовавшей классовой структуры общества) сводились в основном к организации орошения в масштабе речного бассейна, внешней обороны и насильственного международного обмена посредством войны; в остальном же оно паразитировало на обществе путем сбора налогов с населения и поставок с царских людей. В этом смысле даже земельные хозяйства, которые те же царские ремесленники вели на наделах, выданных им дворцом, существовали, за вычетом уплачивавшихся ими поборов и обязательной сдачи продукции, как бы изолированно от самого царского хозяйства; гораздо более эти мелкие хозяйства взаимодействовали между собой и с хозяйствами отдельных общинников, как о том свидетельствует огромное множество частноправовых документов; дошедших до нас именно от старовавилонского периода.

Чрезвычайно важно, что ЗХ, § 71 предоставляет всем царским людям (неясно, относилось ли это и к *iššakkū*) право приобретать землю в собственности за пределами царского земельного фонда⁹¹ (и тем самым вступать в территориальные общины). Это действительно и практиковалось⁹²; если царская служба и сама по себе открывала пути к государственной карьере такого масштаба, который был недоступен членам локальных общин, то прикупка царскими служащими общинной земли давала им к тому же полные гражданские права. В то же время понятно, что и исконные члены гражданских общин стремились приобретать государственные долики вместе с соответствующими наделами. Поэтому не удивительно, что в списках свидетелей-старейшин мы часто встречаем лиц государственных профессий, а жрецы даже по большей части, видимо, имели собственную землю, а не условные наделы. Не случайно слово *awilum* «человек», «гражданин (общины)» в старовавилонский период приобретает и значение «начальник, господин» также в обращении⁹³.

Здесь мы не имеем возможности останавливаться на хозяйствах Египта III — начала II тыс. до н. э. (экономика типа I B), типологически сходных с царскими и храмовыми хозяйствами Двуречья. Отметим лишь, что к ним в условиях Египта в известном смысле следует отнести и вельможные хозяйства, несмотря на их «фамильный» характер: по-видимому, по характеру эксплуатации рабочего персонала (разного рода людей «дома», а затем и *ḥmw njswt*) они были сходны с шумерскими храмовыми, «эснальными» и царскими хозяйствами. В Египте тоже начиная со II тыс. до

⁹¹ Любопытно, что §§ 38 и 40 ЗХ, перечисляя возможных держателей государственной земли, упоминает жриц-затворниц (*naditum*), но не жрецов. Действительно, жрецы очень редко имели служебные наделы (HG, IV, 802). Собственная земля жреца упомянута, например, в документе Schorr, ABRU, 192. Но и жрицы-затворницы (*naditum*) обители бога Шамаша в Сиппаре часто покупали землю за свое приданое, выдававшееся им в виде колец (*šewirū*); ср. выше о земле *naditum* Ламассани.

⁹² См., например, Рифтин, СВД, 21; Якобсон, Правовое и имущественное положение война-*rēdum*..., стр. 137 и др.

⁹³ См. W. von Soden, ANW, s. v.

н. э. (Среднее царство) происходит существенная перестройка государственного и «вельможного» сектора экономики с заметным ростом частно-правовых отношений в более широком кругу населения. «Царские *hmw* ⁹⁴» в это время составляли общегосударственный фонд живой силы, который не только эксплуатировался царским хозяйством, но из него выдавались работники для эксплуатации отдельными царскими служащими и пополнялось войско.

Переходя к областям западноазиатской периферии (экономика типа I Б), с сожалением приходится отметить, что мы пока еще знаем очень мало об эламском, ассирийском и хурритском царском ⁹⁵ и храмовом хозяйствах первой половины II тыс. до н. э. Здесь они, по-видимому, играли значительно меньшую роль, чем в Южном Двуречье или в Египте. В частности, они не монополизировали в такой степени ни крупного ремесла, ни международную торговлю (которая здесь, хотя и использовала храмовые и другие подобные накопления, основывалась на деятельности торговцев, в значительной мере строившихся на домашнеобщинных и

⁹⁴ Египтологи переводят *hm* как «раб»; но акк. *wardum* (и сем. *bd*) соответствует не этому египетскому термину, а термину *b3k*. [Ср. наблюдения О. Д. Берлева относительно Египта Среднего царства, где в источниках упоминаются большие количества «голов» *hmw njswt* (как установил Берлев = «люди, перечисленные в перечнях/ведомостях»), которых цари щедро раздавали своим сановникам, чиновникам и воинам одновременно с пашиями и скотом; сами египтяне четко различали этих *hmw njswt* от частновладельческих рабов *b3kw* (см. О. Д. Берлев, Стоимость раба в Египте эпохи Среднего царства, ВДИ, 1966, № 1, стр. 36—37). *hmw njswt* находились во владении царских и храмовых хозяйств, а также, как сказано, частных лиц, которым царь их раздавал в вознаграждение за службу. Последние имели право купли-продажи и передачи по наследству и в дар этих пожалованных им царем «голов» *hmw njswt* (очевидно, точнее говоря, своих прав на пользование этими «головами»). Однако государство имело безусловное право распоряжаться судьбой *hmw njswt*, перераспределять их между владельцами, изменять их местопребывание и род занятий, что осуществлялось с помощью периодических «смотров», которым подвергались *hmw njswt*. Одной из многочисленных профессий *hmw njswt*, которые трудились во всех отраслях производства, была также профессия воинов. Основная производственная деятельность *hmw njswt* проходила на земле, в рудниках, каменоломнях или мастерских, которые не были их собственностью, равно как и потребные для производства орудия, сырье, скот. Свое содержание *hmw njswt* получали в форме скудного натурального довольствия, однако последнее представляло собой их собственность, которую они могли приумножить работой на стороне. Они имели также право приобретать в собственность недвижимую, включая землю, и движимое имущество, включая рабов *b3kw*, хотя практически получали возможность осуществить это право лишь в редких случаях при исключительно благоприятном стечении обстоятельств (см. О. Д. Берлев, «Рабы царя» в Египте эпохи Среднего царства, Автореф. канд. дисс., Л., 1965). Ср. весьма сходные данные о *bnš mlk* (= акк. *arad šarri*) в Угарите — М. Л. Гельцер, Новая публикация текстов из архивов Угарита, ВДИ, 1966, № 3, стр. 192—196; он же, «Царские люди» (*bnš mlk*)..., стр. 132—48. Справка Н. М. Постовской].

⁹⁵ Точнее, может быть, государственном, так как личное хозяйство царя, видимо, существовало само по себе, — см. Янковская, Хурритская Арпахха, ВДИ, 1957, № 1 (далее — ХА), стр. 33. Материал для изучения его — около двух тысяч текстов, большая часть которых издана в HSS, XIII—XVI; см. пока работы: E. Cassin, Quelques remarques à propos des archives administratives de Nuzi, RAss. 52, 1, 1958, стр. 16 сл.; он же, L'influence babylonienne à Nuzi, JESHO, V, 1962, 2, стр. 113 сл.; он же, Tablettes inédites de Nuzi, RAss. LVI, 1962, 2, стр. 57 сл.; H. Lewy, Miscellanea Nuziana, Or. 28, 1959, 1, стр. 1 сл. Для Ассирии см. РЗОА, стр. 57—58. Нуза не единственный город, где так называемый «дворец» был не резиденцией правителя, а лишь канцелярией государственного хозяйства. Франкфорт так же оценивает с археологической точки зрения «дворец» в Эшнуине, построенный во второй половине XXI в., но просуществовавший до XIX в. до н. э. (H. Frankfort, Tell Asmar, Khafajé and Khorsabad. Second Preliminary Report of the Iraq Expedition, Chicago, 1933, стр. 15). Для дальних периферийных районов Передней Азии I тыс. до н. э., во многом сходных по стадии развития к более близкой периферии Месопотамии II тыс., образцом подобного же не столько дворца, сколько центра государственного хозяйства, может очевидно, служить цитадель в Тейшебани (Кармир-блуре).

родственных связях)⁹⁶. Однако в принципе структура государственного сектора экономики была и здесь сходной. Так, нам известно, что и в хурритской Аррапхе царские люди делились на две категории: «люди дома» (*nišī bīti* — царские «домочадцы»-служащие) и собственно «рабы» (*war-dūtu* — царские работники); ремесленники входили в число обеих категорий, но царские земледельцы, видимо, числились преимущественно «рабами»⁹⁷.

Зато у нас имеются гораздо более полные сведения, относящиеся к Хеттскому царству. Здесь из государственного фонда (весьма обширного — результат завоеваний!) были выделены «домены» царя, царских родичей и храмов, а всё остальное, — по-видимому, большая часть фонда — было роздано в условные наделы военачальникам, чиновникам, служащим и ремесленникам царя, а также жрецам за службу. Наделы этих царских служащих, видимо, нередко были значительно больше, чем в Вавилонии: например, надел одного из царских писцов, носившего не бог весть какой высокий чин, обрабатывало 56 только взрослых и работоспособных мужчин и женщин, не считая 35 стариков, старух и детей⁹⁸.

«Царские люди», обрабатывавшие как непосредственно царские земли, так и служебные наделы царских людей более высокой категории, а также пасшие скот царя и его служащих, чаще всего называются в документах по профессии (пастухи, земледельцы, ремесленники и т. п.), но имели и общее обозначение, выражаемое на письме шумерской гетерограммой SAG.GEME.İRMEŠ, буквально «голови рабынь и рабов»⁹⁹; в Хеттских законах (ХЗ) они четко противопоставляются «свободным» (*LÚ EL-LUM*)¹⁰⁰. Однако тут же следует отметить, что ХЗ противопоставляют «свободным» не только эту категорию, но и «людей службы», (*LÚ IL-KI*), т. е. вообще всех царских людей, как работников, так и служащих (§ XXX); и в то же время государственные «голови рабынь и рабов» существенно отличались не только от рабов античных, но и от частных рабов, хорошо известных нам из Малой и Передней Азии этого же времени. Прежде всего, они передавались в составе отчуждаемого не-

⁹⁶ P. G a r e l l i, *Les Assyriens en Cappadoce*, P., 1963, стр. 257; Я н к о в с к а я, МТОК, стр. 188.

⁹⁷ Я н к о в с к а я, ХА, стр. 32—33. Аналогично в Эламе — см. Ю с и ф о в, Элам, стр. 235 слл. В Вавилонии, как мы видели выше, даже царские работники-земледельцы к числу рабов не относились; в царском хозяйстве были здесь и рабы в собственном смысле слова, но их было немного, как видно из списка НГ, VI, 1963. Правда, в экстренных случаях к работам в царском хозяйстве здесь могли привлекаться частные рабы царских людей — ВВ, 77. О рабах в Аррапхе см. A. S a a r i s a l o, *New Kirkuk Documents Relating to Slaves*, Helsingforsiae, 1934. Собственно хурритский термин для «раба» — *pura(me)*.

⁹⁸ Хозяйство писца дворцовой хлебопекарни Суппилулиумаса — К. К. R i e m s c h n e i d e r, *Hethitische Landschenkungsurkunden*, МЮ, VI, 3 (далее — НЛУ), текст LS, 1. Следует, конечно, иметь в виду, что производительность труда и урожайность в Сирии и Малой Азии были значительно ниже, чем в Двуречье, где, как известно, собирали баснословные урожаи, что видно и выше из прим. 77. В Угарите царским вельможам иногда выдавались целые поселения — см. PRU, III, 15.114, однако чаще выделялись разбросанные в разных местах имения с постройками, садом, полем, но всегда без упоминания людей, их населяющих; ср. Г е л ь ц е р, НВАОУ, стр. 87.

⁹⁹ Так, например, в дарственных на землю. Примеры см. в том же хозяйстве Суппилулиумаса-писца; о государственных рабах-ремесленниках см. ХЗ, §§ 176 А, 200 б (§§ 61*б, 86*б по Фридриху); может быть, также ХЗ, § 35. Ремесленники могли войти и в более высокую категорию царских служащих, см. § 51 и, вероятно, §§ 160—161 (§§ 45*—46* по Фридриху) или, может быть, являться даже общинниками-гражданами; но во всяком случае в § 51 они относятся к государственным людям, так как несут службу-*sahhan*; о государственных рабах-земледельцах см. Указ Телепинуса, § 26; R i e m s c h n e i d e r, НЛУ, текст LS, 3; Н. O t t e n, *Hethitische Totenrituale*, В., 1958, стр. 107, стк. 3; «Инструкция храмовым служащим», КУВ, XIII, 4, IV, 3 и др. о рабах-скотоводах: O t t e n, ук. соч., стр. 107, стк. 3; ХЗ, § 35; и др.

¹⁰⁰ ХЗ, § 35—36.

движимого имущества, а не отдельно от него¹⁰¹. Затем, они обладали некоторой, хотя и ограниченной правоспособностью. За членовредительство им полагалось возмещение¹⁰²; композицию за кражу выплачивали либо они сами, либо (чаще?) их хозяин¹⁰³. Недвижимой собственности они не имели (вероятно, и не могли ее иметь?); но они могли владеть, например, своим скотом и даже иногда держать условный надел, но не на правах собственности¹⁰⁴. Согласно описи служебного надела одного чиновника¹⁰⁵, на 90 «голов рабынь и рабов» приходилось около десятка коров, которых имел один из этих работников, по-видимому, в личном владении. Лица этой подневольной категории, подобно общинникам, жили «домами», в которых главы и подчиненные члены имели неравные права. Но в отличие от общинников, «домá» царских людей, как правило, не образовывали обширных «больших семей» и, главное, они не были собственниками земли и других средств производства. Царские работники — «головы рабов» — могли жениться на свободных женщинах (хотя это приводило к некоторым ограничениям таких женщин в правах — ХЗ, §§ 32, 35 и 36) и даже вводить к себе в хозяйство свободного зятя¹⁰⁶. В случае голода они могли предаться под покровительство постороннего свободного лица¹⁰⁷, что вызывало необходимость и работать на него (очевидно, основная работа на государственное хозяйство оставляла для этого хотя бы некоторый досуг). В значительной мере состав хеттских подневольных работников пополнялся, по-видимому, из населения, угнанного с завоеванных территорий, так называемых «пленных» (*arnuwalēs*, или NAM.RA)¹⁰⁸, — но из NAM.RA пополнялись и служилые люди более высоких категорий¹⁰⁹, в том числе и «люди оружия» («военнообязанные», *LÜ GISTUKUL*), служившие на специальных наделах, которые были выделены для несения царской службы территориальными общинами.

¹⁰¹ См. *Riemschneider*, HLU, passim; Римшнейдер полагает, правда, что упоминание этих людей в договоре о дарении земли, на которой они сидят, означает их правовую защиту, — очевидно, на случай, если новый собственник попытается их согнать с земли? Однако это толкование весьма сомнительно; ср. *I. D i a k o n o f f*, *Die hethitische Gesellschaft*, MIO, XIII, 1968, 3, стр. 337, прим. 68. Отметим, что и вавилонские *iššakkū*, видимо, не могли произвольно оставить свою службу и надел, тоже составляя постоянную часть царского «дома».

¹⁰² ХЗ, §§ 8, 12, 14, 16; §§ VI, VII, IX, XII, XIII, XV и т. д.

¹⁰³ Этот тезис, давно выдвинутый советскими учеными, можно теперь считать доказанным — см. *Н. Н. Р е т с ч о в*, *Zur Noxalhaftung im hethitischen Recht*, ZAss, NF, 21 (55), 1963, стр. 244; ЗВАХ II, стр. 289, прим. 1.

¹⁰⁴ См., например, людей *LÜ URU₄.LAL-TIM*, имевших наделы на земле, подаренной царем городу Хатти, — *Riemschneider*, HLU, текст LS, 3. Египетские *ḥmw njswt* (см. выше, прим. 94), и, может быть, вавилонские *iššakkū* могли приобретать землю в собственность за пределами земельного фонда того хозяйства, от которого они зависели.

¹⁰⁵ Уже упомянутого писца Сунпилиумаса; ср. также ХЗ, § 52.

¹⁰⁶ ХЗ, § 36 (в толковании И. Фридриха).

¹⁰⁷ ХЗ, § 172 (§ 57* по Фридриху).

¹⁰⁸ См. *S. A l p*, *Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute*, JKF, I, 2, 1950, стр. 113; Э. А. М е н а б д е, О рабстве в Хеттском государстве, ПАС, I, 1961, стр. 40 сл.

¹⁰⁹ Также и воины. Муршилес II сообщает в своих аяналах, что он сделал войнами сразу 3000 NAM.RA из страны Туккама (*A. G o e t z e*, *Die Annalen des Muršiliš II*, MVAG, 33, 1933, стр. 136 сл.; это только один из довольно многих примеров); ср. ХЗ, § 40. Э. А. Менабде («О рабстве...», стр. 41–42), ссылаясь на случай безнаказанного убийства NAM.RA во время их переселения, считает их обыкновенными рабами; однако следует различать их бесправное положение на марше от того положения, которое они приобретали (если на месте не попадали в личное услужение), будучи поселены на определенном земельном участке и получив определенную профессию, а с нею и некоторые права. Впрочем, ср. бесправную категорию *ḥipparēs*, тоже, видимо, пленных (гетерограмма *LÜ A-SI-RUM* «связанный»), которых селили артелями с круговой порукой, — ХЗ, §§ 48–49 (ошибочно отождествлены с общинниками у В. В. Иванова — ХИДВ, стр. 315 и 325, прим. 4).

Следует остановиться на еще одном явлении, которое хорошо документировано для Хеттского царства, но наблюдается не только в нем ¹¹⁰. Речь идет о царских дарениях участков государственной земли в о собственности особо отличившимся приближенным. При этом одаряемые иногда получали иммунитет не только от царской службы *sahhan*, связанной с условным держанием царской земли (что естественно при переходе земли в собственность одаряемого), но и от общегосударственной повинности *luzzi* ¹¹¹, иногда же не получали такого иммунитета ¹¹², но земля и в этом случае становилась их собственностью. А так как почти вся царская земля уже до этого была поделена между держателями служебных наделов («людьми службы») и обрабатывалась «головами рабынь и рабов», вероятно прикрепленными к земле, то дарение такой земли не сопровождалось выселением всех этих людей: земля передавалась в собственность новому хозяину вместе с обрабатывавшими ее людьми ¹¹³ и даже, возможно, вместе с держателями наделов за службу ¹¹⁴; в этом случае последние очевидно, должны были теперь нести службу на нового хозяина: царь как бы переуступал ему их службу ¹¹⁵.

Так возникает известная нам из районов хеттской сферы влияния ¹¹⁶ категория *muškēnūtu* отдельных лиц (в то время как Вавилония, например, знала только категорию царских *muškēnū*). Если к этому добавить, что в Хеттском царстве многие представители знати были царскими наместниками различных рангов или даже прямо вассальными царьками,

¹¹⁰ Имеется в виду передача царем земли из государственного фонда определенному лицу по формуле *išši iddin* («забрал и отдал», известной также в Угарите. Характерно для неразвитости понятия частной собственности на землю на древнем Востоке III—II тыс. до н. э., что под этой формулой, как показывает изучение угаритских документов, может скрываться весьма различное содержание — от передачи земли во временное владение, распоряжение и пользование до смерти передающего и с сохранением ее в составе государственного земельного фонда (в порядке перераспределения между условными держателями) вплоть до передачи ее в полную и безусловную собственность. Как нам представляется, хеттские тексты имеют в виду именно последний тип передачи, см. подробнее D i a k o n o f f, *Die hethitische Gesellschaft*, стр. 333 сл.; ср. Гельцер, НВАОУ, стр. 87. Аналогичные явления наблюдались в касситской Вавилонии и др.

¹¹¹ Как, например, в случае дарения земли сановнику Сахурунувасу (KUB, XXVI, 43; ср. K. K. R i e m s c h n e i d e r, *Zum Lehnswesen bei den Hethitern*, ArOr, 33, 1965, стр. 329 сл.; ср. также X3, § XXXVI).

¹¹² Так во многих других дарственных на землю.

¹¹³ См. выше пример с бывшей землей пиеца Супшилулиумаса, которую царь подарил придворной даме Куваталле вместе с сидевшими на ней людьми; ср. выше прим. 98—101.

¹¹⁴ Прямых указаний на это, по-видимому, нет, но когда хеттские цари выделяли хозяйство мелким подчиненным царькам и царевичам (что так характерно для Хеттского царства — см. A. G o e t z e, *Kleinasien*², Münch., 1957, стр. 103 сл.), то держатели служебных наделов, очевидно, оставались на своих местах.

¹¹⁵ В Адалахе мы наблюдаем, наоборот, явление скупки царем земли вместе с сидящими на ней людьми у вельмож. Скорее всего, речь идет о продаже главами старших (в пределах территориально-родового объединения) домашних общин своих патриархальных прав царю. Однако иначе толкует эти тексты М. Л. Гельцер (НТДА, стр. 16). Эти любопытные документы изданы в малодостоверных воспроизведениях и недостаточно изучены, но, по-видимому, представляют собой частные сделки между царем и его подданными. Ср. практику выдачи имений и даже целых сел вельможам в Угарите (не смешивать с дарением) — НВАОУ, стр. 87.

¹¹⁶ В источниках по самому Хеттскому царству ясных данных об этом нет, хотя царские люди и здесь могли называться *muškēnūtu*, — см. V. S o u č e k, *Randnotizen zu den hethitischen Feldertexten*, MIO, VIII, 3, 1963, стр. 371 сл. Но такие данные есть для зависевшего от Хеттского царства Угарита. Здесь от людей LÜ UN.TU и LÜ Ma-ši-ru-ma зависели (или им принадлежали) LÜ tu-uš-ke-nu-tum (PRU, III, 16.257+258+126, B, III, 30; IV, 17). Мы точно не знаем функции людей LÜ UN.TU и LÜ Ma-ši-ru-ma, но, во всяком случае, вероятно, что те и другие были дворцовыми служащими. Об *ašīn* как обязанных царской службой (*pilki*) см. в тексте PRU, III, 15.137 — ср. М. Л. Гельцер, Социальное деление свободных слоев в Угарите, ПСЭИДМ, 1963, стр. 68—69.

то ясно, что помимо собственно царских земель страна была усеяна именными, представлявшими собой как бы маленькие царские хозяйства в локальном масштабе, — во всяком случае, слагавшиеся в них аграрные отношения были вполне однотипны слагавшимся на царской земле.

Нам мало известно о хозяйствах храмовых городов и отдельных культовых учреждений в Хеттской державе, однако ясно, что и эти хозяйства были типологически сходны с описанными выше ¹¹⁷.

Хотя египетские *ḥmw njswt* ¹¹⁸, вавилонские *iššakkū* (и другие *nāši biltim*), хеттские «головы рабынь и рабов» (SAG.GEME.İR^{MEŠ}), хурритские государственные «рабы» (*wardūtu*) и угаритские *bnš mlk* «люди царя» имеют между собой много различий, все же следует признать, что перед нами принципиально одна и та же социальная категория. Особенно характерна в этом отношении Вавилония. Здесь мы примерно до 2000 г. до н. э. видим *гурушей* III династии Ура, а они, как великолепно показал в свое время В. В. Струве ¹¹⁹, безусловно подвергались эксплуатации, которую не назовешь иначе, как рабовладельческой; причем если мужчины-*гуруши* и не назывались термином «раб», то по крайней мере их женщины так прямо и назывались «рабынями»; но двести лет спустя, при Хаммурапи, от столь многочисленной армии *гурушей* не осталось, и следа, и их место занимают *ишшакку*, юридически, по-видимому, относимые хотя и не к полноправной, но все же нерабской категории лиц — *мушкену*, а их женщины вообще освобождены от непосредственной эксплуатации в царском хозяйстве. Египетские *ḥmw njswt* при всем их квазирабском положении служат в войске, а хеттские «головы рабынь и рабов» также мало походят на классических рабов; пленных хетты далеко не всегда обращают в рабство — часто в воинов.

Всю эту категорию лиц на Западе обычно называют «крепостными» (*serfs*). Обозначение это неприемлемо, так как в своем качестве эксплуатируемых царских людей они не обладают главнейшей особенностью феодально-зависимых крестьян — хотя бы частичной собственностью на средства производства ¹²⁰. Это — лица, подвергающиеся внеэкономической эксплуатации (принуждаемые к труду на своих хозяев прямым государственным насилием) и лишенные собственности на средства производства, и в этом смысле они экономически более похожи на рабов, чем на кого бы то ни было другого. В то же время они во многом и отличаются от тех, кого мы привыкли называть рабами, да и сами древние по большей части отличали их от рабов в собственном смысле слова: в Вавилонии *muškēnum*, *iššakkum* и даже *guruš* отличались от «раба» акк. *wardum*, шум. *ir(ad)*; в Египте «рабы» *ḥmw njswt* (букв. «рабы царя») отличались от «рабов» *b3kw*; и хотя у хеттов и хурритов государственные подневольные люди терминологически не отличались от рабов, но и они отличались во многом от рабов по существу.

Социально-экономическая история Ближнего Востока I тыс. до н. э. изучена гораздо менее, чем история II и даже III тысячелетий; именно поэтому в настоящем очерке мы почти не заходили за рубеж середины II тыс. до н. э. Однако, не углубляясь ни в общий анализ структуры общества этого более позднего периода, ни в вопросы генезиса отдельных социальных категорий того времени, мы имеем право уже сейчас отметить.

¹¹⁷ См. положение о «Каменном доме» (царском мавзолее и заупокойном храме) — O t t e n, *Nethitische Totenrituale*, стр. 106; X3, § 52; ср. KUB, XIII, 4, IV, 15—16.

¹¹⁸ О. Д. Берлев называет их «рабами царя»; но, как указывалось, лучше было бы терминологически отличать эту категорию от собственно «рабов» (*b3kw*).

¹¹⁹ См. выше, прим. 44.

¹²⁰ Они не являлись особым сословием и поэтому нередко имели право приобретать собственность; но к их возможному качеству собственников, разумеется, сказанное выше не относится.

то коренное обстоятельство, что и для Ассирийской державы VIII—VII вв. до н. э. и, по-видимому, для Селевкидской державы ¹²¹ характерно преобладание класса эксплуатируемых, подвергающихся прямому внеэкономическому насилию и лишенных подлинной собственности на средства производства, но не являющихся ни непременно частной собственностью представителей господствующего класса, ни только объектом, а не субъектом права. И к этой же категории — а это чрезвычайно важно, — очевидно, следует отнести некоторых эксплуатируемых производителей материальных благ также и в древней Европе, в особенности тех, которые тоже находились в собственности государства, хотя и не обязательно монархического, как, например, илоты, пенесты ¹²² и др. Тот факт, что различие между илотами и спартиатами было и этническое, и что сама илотия возникла как результат завоевания, — факт, не имеющий принципиального значения для экономики: важно социально-экономическое положение илотов, а оно весьма сходно с положением, скажем, хеттских «голов рабынь и рабов».

Мы позволили себе здесь выйти из строгих рамок изучаемого в настоящем очерке периода потому, что это позволяет настаивать на основном для нас положении: при всем различии между многообразными путями развития отдельных групп древних обществ нет оснований относить их к разным социально-экономическим формациям. Общим для них всех является (1) сочетание государственной собственности на землю и другие средства производства с частной собственностью, но собственностью не отдельных лиц, а членов определенных общинных коллективов, которые объединяют не эксплуатируемых, феодально-зависимых крестьян, а прежде всего наиболее полноправных для данного типа общества граждан-собственников, которым именно эти гражданские коллективы и дают возможность осуществлять собственность на землю и другие средства производства; и (2) широкое распространение свободного труда полноправных граждан-собственников наряду с эксплуатацией лиц, лишенных собственности на средства производства и принуждаемых к труду прямым внеэкономическим насилием; эти последние лица могут быть непосредственной собственностью эксплуатирующих лиц, юридически лишенной свойств субъекта права, но могут и не быть ею, и при этом могут эксплуатироваться как отдельными хозяйствами, так и государством (все равно — монархическим, олигархическим или иным) ¹²³. И поэтому точно так же, как нет основания исключать Спарту из числа обществ античного (т. е. древнего) этапа социально-экономической истории человечества, так же нет основания исключать из их числа и хеттское, египетское, шумеро-вавилонское, хурритское, ассирийское и другие общества Ближнего Востока

¹²¹ Об основной массе трудящихся земледельцев Ассирийской державы VIII—VII вв. до н. э. — царских поселенцах (*šaknu* и др.) см. В. А. Якобсон, Социальная структура Новоассирийского царства, ВДИ, 1965, № 1, стр. 114 сл. Принципиально близки к ним были, видимо, и селевкидские *λαοί*.

¹²² Первое сопоставление массы ассирийских эксплуатируемых работников с илотами принадлежит В. В. Струве (выступление по докладу автора в 1937 г.). Ранее он обозначал их как крепостных — см. В. В. Струве, История древнего Востока, Краткий курс, М., 1934, стр. 97. Напомним, что и Ф. Энгельс на примере илотов указывал на возможность прикрепления к земле в античности. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 21, М., 1961, стр. 66). Прикрепление работников к земле не является привилегией какой-либо одной классовой формации, и не это показатель для характера способа производства.

¹²³ Различные другие способы эксплуатации, — например, наемных рабочих или, напротив, домоладцев и дальних родичей с использованием патриархальных связей, а так же должников, — являются во всей древности явлениями второстепенными и побочными; к тому же, эти формы эксплуатации имеют тенденцию все более подгоняться под основной тип эксплуатации, о котором говорится в тексте.

III и первой половины II тыс. до н. э. (равно как и ранние общества Греции типа Крита или Филоса II тыс. до н. э.).

Не оправдывает отнесения этих обществ к какой-то иной формации и такое явление, как иерархическая структура государства у тех же хеттов. В нашей научной литературе часто можно встретиться с утверждением, что советские ученые видят на древнем Востоке рабовладение, в то время как западные ученые — феодализм. Это, однако, не вполне точно: советские ученые видят обычно на древнем Востоке рабовладельческий социальный-экономический строй, а западные ученые видят в известные периоды восточной древности феодальный государственный строй: в западной исторической науке первостепенным чаще считается вопрос о государственной власти, обусловленность которой социально-экономическими отношениями игнорируется. Однако известно, что в пределах одной и той же социально-экономической формации возможны различные формы государственного строя. Поэтому нет никаких причин, почему социально-экономический строй древности не мог бы породить иерархической системы властей, которую на Западе называют феодальной, точно так же как он мог породить абсолютную монархию и демократическую республику. Это не делает древневосточное общество ¹²⁴ феодальным в марксистском понимании этого термина. Дело в том, что здесь иные отношения собственности: здесь нет совпадения суверена территории с собственником земли, и ренты (категории здесь лишь частно-правовой) с налогом (категорией публично-правовой. Будь то налог деньгами, натурой или трудом); здесь господствуют разнообразные типы сочетания государственной собственности с наличием разнообразных видов общины как организации полноправных сельских хозяев-собственников (а не как организации эксплуатируемых крестьян — и в значительной мере для их эксплуатации, — что характерно для средневековья). И, наконец, самое главное — эксплуатируемый класс здесь по своему характеру отличен от эксплуатируемого класса в феодальном обществе. Даже если эксплуатируемый на древнем Ближнем Востоке не всегда похож на раба в привычном для нас смысле слова (поскольку он не обязательно чья-то собственность, *instrumentum vocale*, и поскольку в правовом отношении он не всегда только объект права, но часто наделен известной правоспособностью), тем не менее, подвергаясь эксплуатации путем внеэкономического принуждения, он в то же время (подобно рабам, но в отличие от феодально-зависимых крестьян) лишен даже частичной собственности на средства производства (в том хозяйстве, где его эксплуатируют).

В этом смысле классический раб — лишь частный случай более широкой типологической категории эксплуатируемых, характерных для всего древнего общества Запада и Востока; во избежание путаницы, неизбежно возникающей, если вводить понятия «раб в широком смысле слова» и «раб в собственном смысле слова», может быть, удобно было бы приме-

¹²⁴ В сущности, вообще неправомерно оперировать подобным термином. Отдельные общества древней Азии или Африки часто не менее разнятся друг от друга, чем от некоторых обществ древней Европы, а некоторые общества древней Европы имеют больше сходства с отдельными азиатскими, чем с другими европейскими, и т. д. Очевидно, нельзя механически противопоставлять по чисто географическому признаку некие «Восток» и «Запад», тем менее — конструировать некую особую социально-экономическую формацию, свойственную будто бы всей Азии (или, наоборот, всей Европе) в отличие от какой бы то ни было области остального мира. Вернее будет говорить о различных путях развития однотипной экономики, характерной для всей древности — причем не о двух, а по меньшей мере о пяти-шести путях развития, проявляющихся, к тому же, на различных стадияльных этапах внутри одной и той же формации.

нить к ним какой-либо общий, более всеобъемлющий термин, — например, «подневольные», что подчеркивает и большую широту термина по сравнению с понятием «раб», и в то же время для нас косвенно ассоциируется именно с рабством, которое может рассматриваться как частный и наиболее яркий и типичный случай подневольного труда¹²⁵.

Но точно так же типологически однородны и свободные сельские хозяйства как древней Западной Азии и Африки, так и древней Европы, объединенные в различные организации, через которые они получают гражданские права. Действительно, свободные общинники Западной Азии по своему социальному положению и объему прав существенно не отличаются, например, от свободных граждан менее развитых греческих полисов с монархическим или олигархическим устройством¹²⁶.

¹²⁵ Для эпохи феодализма можно было бы оставить термин «зависимые». Чешский исследователь И. Клима впервые применил обозначение «невольник» (nevolník) к вавилонскому *muškēnum* (с чем я сначала не считал возможным согласиться), отличая его тем от *awilum* как «полноправного гражданина» (plnoprávní občan), и от *wardum* «раба» (otrok) — см. J. K l i m a, *Zákonu Chammarapiho*, Praha, 1954, стр. 81—84. Ю. И. Семенов (Ю. И. С е м е н о в, Проблема социально-экономического строя древнего Востока, НАА, 1965, № 4, стр. 78) называет эксплуатируемый класс на древнем Востоке «кабальниками», а рабовладельцев, пользующихся их трудом, — «кабаловладельцами» и даже конструирует особую «кабаловладельческую» формацию. Дело в том, что он ошибочно считает долговое рабство ведущим для данной формации способом эксплуатации. Добавим, что для социально-экономической характеристики расследуемого общества важно, в какие отношения к собственности на средства производства вступают различные группы общества в процессе производства, а не то, каким образом эти группы исторически возникли — в результате ли долгов или иным путем. Поэтому «кабаловладельческую формацию» Ю. И. Семенова можно отнести к категории исторических фантомов. Ср. также прим. 134. Но и независимо от этого предложенный Ю. И. Семеновым термин не вполне исторически грамотен: «кабалой» в исторической науке называется не социальное отношение, а документ — долговая сделка: *«заяляъ, господине, онъ у меня съ своими товарищи полтретья рубли денегъ государя моего серебра въ кабалу, а се, господине, кабала передъ тобою. И Иванъ Ивановичъ вслѣлъ передъ собою кабалу чести (=читать), и в кабалѣ пишетъ: се азъ Омелянъ... да азъ Петрокъ, да азъ Иванка Омеляновъ бѣти заняли смя»*... и т. д. Следовательно, «кабаловладельцем» можно было бы назвать только владельца подобного документа, но не владельца самого должника. Заметим, что в статье того же автора (Ю. И. С е м е н о в, Проблема становления классов и государства в странах древнего Востока (в трудах советских ассириологов и египтологов), НАА, 1965, 3, стр. 160 сл.), посвященной почти исключительно разбору некоторых работ Дьяконова, мои взгляды во многих отношениях сильно искажены. Семенов не скупится на вопросительные и восклицательные знаки, но его возражения чаще всего основаны на невнимательном чтении рецензируемых работ и на полном незнании с первоисточниками. К сожалению, подобного рода полемика все еще встречается в нашей науке. Безусловно, нет никакой необходимости отказываться от представления о единстве всемирно-исторического процесса и вводить понятия новых «формаций» местного значения (С е м е н о в, Проблема социально-экономического строя..., стр. 87).

¹²⁶ Предлагаемая в настоящей статье дефиниция основного эксплуатируемого класса охватывает все общества древнего типа, включая и африканские (на несходство которых с феодальными справедливо указывают французские марксисты) и, как кажется, исключает типичные феодальные (средневековые) общества. Впрочем, очевидно, что между феодальной экономикой и более ранней «античной» (древней) экономикой нет столь сильного разрыва, как между экономикой феодальной и капиталистической. (Несколько больше разница лишь между экономикой западного средневековья и экономикой западной античности, этого весьма необычного и малораспространенного отклонения от ствола общечеловеческого хозяйственного развития, хотя и оказавшего конкретное исторически огромное влияние на позднейшее развитие человечества в Европе, а затем и во всем мире.) При этом, как известно, все еще не выяснен вопрос о классе, который являлся бы движущей силой для перехода от древности к феодализму, даже и в пределах западной античности. В то же время нельзя и отождествлять, с одной стороны, экономику и социальный строй древности Востока и Запада, а с другой, — средневековья, так как они все же являют во всем мире совершенно несомненное стадийное различие. Оно проявляется и в области социально-экономической (общинные организации полноправных собственников и внеэкономическая эксплуатация лиц, полностью лишенных собственности на средства производства, — с одной стороны; общинные организации зависимых крестьян и внеэкономическая эксплуатация лиц, неполностью

Конечно, нельзя недооценивать исключительно важную для дальнейшего развития человечества конкретно-историческую роль таких обществ, как Афины VI—IV вв. до н. э., Коринф, поздний Милет, Рим времени республики и т. п. Классический полис этого типа — конечно, совершенно новый, своеобразный и чреватый важнейшими историческими последствиями путь развития в пределах все того же древнего общества. Но не следует забывать, что он возник в процессе разрушения агнатических общинно-иерархических структур, хорошо известных всей древности без исключения — и возник, между прочим, потому, что ни на каком из своих путей развития древняя экономика не могла обойтись без организационного объединения полноправных свободных сельских хозяев, т. е. без древней общины, если не одного, так другого типа. Для обществ, возникших из этих классических античных полисов с товаропроизводящими рабовладельческими индивидуальными хозяйствами, характерна «односекторная» система древней экономики со сведением государственного хозяйства до минимума¹²⁷. Но сам этот «общинный» (внегосударственный) сектор экономики (если отвлечься от уровня товарности, который мог быть различным) отлично известен и в Азии, и само наличие почти «односекторной» экономики не доказывает принадлежности обществ типа перикловых Афин и т. п. к особой, «высшей» формации по сравнению с теми древними обществами, где имелся также и развитой государственный сектор экономики (включая не только Азию, но и ранние общества в самой Греции — Кнос, Пилос, Микены и т. п.). К тому же и сама западная античность знала и другой тип «односекторной» экономики с непомерным преобладанием как раз государственного сектора, например в Спарте. В этом отношении

лишенных собственности на средства производства, — с другой), так и в области идеологической (материально мыслимый мир сверхъестественных существ; не исключая, при этом, друг друга культы при ведущей роли обряда, преимущественно светская грамотность — с одной стороны; мир духовных сверхъестественных существ; догматические взаимоисключающие культы с основным ударением, наряду с обрядом, на этическую догму, кастовая грамотность преимущественно в руках духовенства, — с другой). В частности, особенно важно отметить, что гражданские организации полноправных свободных различного происхождения и характера существовали в древности всегда. Монархическая форма государства была наиболее частой, но встречалась и олигархическая (в Ассирии начала II тыс. до н. э., см. РЗОА, стр. 20, в некоторых городах-государствах древней Сирии и Финикии, в Северной Африке, в Этрурии, особенно в Греции; к ней же, вероятно, относились республики Индии, описанные в статье: Г. М. Бонгард-Левин, Республика в древней Индии, ВДИ, 1966, № 3, стр. 8—35); наиболее редкой была форма демократическая. Преувеличение своеобразия государственного строя Востока по сравнению с Западом объясняется, как нам кажется, знакомством большинства невостоковедов лишь с отдельными наиболее резко выраженными формами; в действительности же можно констатировать, что полисный строй, если и не всегда в полностью развитой форме, был не редкостью на всех континентах и не представляет ничего, принципиально отличающего Запад от так называемого Востока. Лишь в редких случаях очень развитого для древнего мира товарного хозяйства складывались совсем особые формы полиса, в частности, — формы рабовладельческой демократии. С другой стороны, монархии достаточно обширного территориального охвата возникали первоначально только на базе объединения ирригационной сети целого речного бассейна (Египет; также Вавилония — но как структура, объединяющая общины, автономные во внутренних делах), или же в виде объединения в иерархическом порядке полуавтономных общинных образований и мелких царств (Хеттская держава). Лишь в I тыс. до н. э. возникают так называемые «мировые» военные империи, о причинах чего см. Янковская, Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы, ВДИ, 1956, № 1, стр. 44 сл.; Дьяков, ОЧЭ, стр. 54 сл. К ним же относятся и эллинистические монархии, к которым, в свою очередь, типологически была близка и Римская империя, особенно в эпоху доминанты. Однако эти проблемы (как и, например, вопрос о типологической характеристике империй Маурья или Хань) лежат далеко за пределами рассматриваемого здесь круга вопросов.

¹²⁷ Однако государственный земельный фонд и государственная казна, разумеется, повсюду существовали и в западной древности, и государственное хозяйство не совсем отсутствовало и тут.

азиатские государства III—II тыс. до н. э. — особенно города-государства — именно в силу их «двухсекторного» характера являют скорее как бы ранний этап некоего типа, промежуточного между Спартой, Критом и т. п., с одной стороны, и Афинами, Коринфом, республиканским Римом, с другой. При этом, конечно, нужно в любом случае учитывать, что в настоящей статье говорится лишь о ранней стадии истории древнего мира: в дальнейшем, начиная с I тыс. до н. э., древнее общество могло идти по многим разным путям развития, каждый из которых можно выделить и все их перенумеровать; но это вовсе не должно означать, что в различных частях древнего мира возникали принципиально разные социально-экономические формации местного значения.

5. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ. СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ К СЕРЕДИНЕ II тыс. до н. э.

В заключение вкратце охарактеризуем классовую структуру ближневосточного общества до середины II тыс. до н. э.

Верхушку общества образовывала начиная с последней четверти III тыс. до н. э. преимущественно служилая знать. Если рядовые царские люди повсюду в Азии достаточно четко отличаются от рядовых граждан территориальных общин, то в верхушечных слоях служилая и общинная знать всегда в большей или меньшей степени срастаются. Если в Шумере и Аккаде до объединения страны еще достаточно явственно различалась крупная общинная знать, видимо, выступавшая против непомерного роста власти правителя-царя, а позже возобладавшая военно-чиновная знать из ближайшего окружения последнего, то ко II тыс. до н. э. вавилонская служилая знать, хотя в принципе не принадлежала к верхушке территориальной общины, но сливалась с ней путем приобретения частной земли¹²⁸, что давало ей право на членство в общине и гражданское полноправие. Таким образом, знатные чиновники входят в число «людей» или «господ» (*awilū*)¹²⁹. В Хеттской державе община-завоевательница почти целиком превратилась в господствующую группировку служилой знати всего царства — это так называемые «господа (общины) Хатти»¹³⁰. В их числе были военачальники, высшие жрецы столицы, чиновники и приближенные царя¹³¹. Основу богатства хеттской знати составляли либо служебные наделы, выделенные из царской земли, либо затем царские дарения, находившиеся в ее, знати, частной собственности (или, по крайней мере, в собственности ее домашних общин). В синхронных Ассирии и Аррапхе можно наблюдать и встречный процесс выделения знати из той части членов территориальных общин, которая нажилась на тор-

¹²⁸ В Вавилонии начиная с XXI в. до н. э. подавляющее большинство значительных по своему материальному состоянию фигур носят в документах чиновничьи титулы или хотя бы звание торгового агента (*tamkārum*). Но в то же время характерно, что и в перечнях свидетелей-старейшин в протоколах судебных процессов и тому подобных документах — перечнях, возглавляемых обычно градоначальником (*rabi'ānum*), — многие лица носят жреческие, а также и чиновные звания. В то же время известны случаи прикупки свободной от службы («вечной») земли царскими служащими, например, Th. D. 56; 69.

¹²⁹ Этот аспект термина *awilū* подчеркивает Краус (F. R. Kraus, Ein Edikt des Königs Ammi-saduqa...), что приводит его к ошибочному отождествлению *awilū* только со знатью, а *muškēnū* — со всеми рядовыми подданными царя.

¹³⁰ Goetze, Kleinasien², стр. 104; ср. инструкцию «господам», возлагающую на них обязанность верности царю: Schuler, HD, стр. 22 сл.

¹³¹ Это объясняется тем, что вся или почти вся небольшая община Хатти в результате завоеваний, осуществленных ее царями, была вовлечена в государственное управление и оторвалась от собственно общинного, крестьянского хозяйства.

говле и особенно на ростовщических операциях и захватила также государственные должности¹³²; эта новая знать создает индивидуализированные частные имения, практически уже независимые от территориальной общины.

В имениях зажиточных людей и знати остро встает вопрос о рабочей силе. В Хеттском царстве и — при несколько иной системе организации — в Египте он разрешается преимущественно тем, что служебные, а затем и собственные (например дарованные) имения обрабатывались царскими работниками. Во всех странах Западной Азии, но в особенности в таких странах, где, как в Ассирии и Аррапхе, тон пока еще задает не служилая знать, а общинные богачи, важнейшим способом приобретения рабочей силы становится закабаление¹³³ соседей и родичей, обедневших в результате специализации и интенсификации отраслей сельского хозяйства, а также связанных с этим действий ростовщиков, и в результате стихийных и военных бедствий. Надо подчеркнуть, что долговое порабощение — не всеобщее явление истории древнего Востока, а лишь временно возникающее в определенных критических условиях¹³⁴. К тому же значение его несколько преувеличивается для нас вследствие того, что долговое порабощение было предметом договора и потому всегда фиксировалось документально, а другие способы приобретения рабочей силы — далеко не всегда¹³⁵. Однако для Ближнего Востока первой половины II тыс. порабощение за долги действительно характерно, и, между прочим, здесь оно повсеместно приводит к возникновению столь типичной для этого времени категории *arīṭū/ḫarīṭū*, в которых ранее ошибочно видели предков еврейских племен. Это — изгои, бежавшие из своих общин из-за разорения, бродящие из страны в страну или оседающие в труднодоступных «макй» и занимающиеся разбоем, наемным трудом или служащие в наемных войсках¹³⁶. Вместе с массовым явлением долгового закабаления они появляются на рубеже II тыс. до н. э. и бесследно исчезают вместе с ним же до наступления I тыс. до н. э.

Основную часть населения в рассматриваемое время составляет та часть свободных общинников, которая не эксплуатировала труда генетически посторонних для домашней общины подневольных лиц. Это был пережиточный класс, воплощающий в себе то, что сохранилось от первоначальной первобытнообщинной массы, подобно тому как при капитализме

¹³² Так, в Аррапхе самые крупные ростовщики и скупщики земли — это, с одной стороны, ТехибТилла, глава одной из крепостей (*ḫalsuḫlu*) и отец царицы, и Тульпунная, дочь управляющего дворцом, а с другой, — нечиновные общинники Аккуйя и Илану — см. Я н к о в с к а я, Распад..., стр. 6—13; в Ашшуре ростовщики и скупщики земли РинНабиу, его сын ИддинКубе и внук КидинАдад, а также и другие богачи, выявляемые по документам в КАЈ, видимо, не носили никаких титулов и званий. Для ростовщиков вообще характерно находиться как бы за кулисами власти, на что обратила внимание автора Н. Б. Янковская.

¹³³ См. РЗОА, стр. 60—74; Я н к о в с к а я, Распад..., стр. 11—12.

¹³⁴ Одним из критических периодов была эпоха бурного роста мелких и средних частных хозяйств в первой половине II тыс. до н. э., сопровождавшаяся непомерным развитием ростовщического кредита. Роль долгового рабства в древней Азии часто сильно преувеличивается; оно не играло существенной роли ни в III, когда слишком еще сильны были общинные связи взаимопомощи, ни в начале I тыс. до н. э., когда почти исчезли те слои свободного крестьянства, на котором преимущественно паразитировали ростовщики (об объеме долгового порабощения в поздней Ассирии см. Я н к о в с к а я, Социальная структура Новоассирийского царства, стр. 111 сл.; как указал нам М. А. Дандамаев, в поздней Вавилонии также встречаются лишь единичные кабальные сделки).

¹³⁵ Покупка детей в рабство у их родителей, например, фиксировалась договором, но не покупка рабов, пригнанных из-за рубежа. Наличие их, однако, документально засвидетельствовано, например, отдельными указаниями на этникон раба в договорах о разделе имущества и т. п.

¹³⁶ См. литературу в ВДИ, 1968, № 3, стр. 23, прим. 98.

крестьянство воплощает в себе то, что сохранилось от феодально-зависимого крестьянства; и как при капитализме крестьянство непрерывно расслаивается на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, так и от общинного крестьянства непрерывно отслаиваются его верхи и низы. В связи с выделением знати из общин¹³⁷ и получением ею иммунитетов¹³⁸ начинается намечаться сословное деление между свободной от налогов и повинностей знатью, а также гражданами некоторых привилегированных городских и храмовых общин¹³⁹, с одной стороны, и крестьянской массой общинников, с другой. Наименее зажиточные слои общинников откалываются от класса свободных крестьян, постепенно переходя в число рабов-должников или *хазир* или же уходя на службу в царское хозяйство.

Царские люди всегда делятся на две категории, хотя, например, в Вавилонии при Хаммурапи обе категории (не включая лишь воинов)¹⁴⁰, видимо, классифицировались одинаково как *мушкену*¹⁴¹. Первая категория — это царские служащие, получавшие условные служебные наделы из царской земли. Это военачальники, придворные, чиновники, ремесленники, отчасти жрецы, а также профессиональные воины, не входящие во всеобщее ополчение¹⁴². Несмотря на свое зависимое социальное положение

¹³⁷ Как показывает анализ ассирийских документов (РЗОА, стр. 73), общинным богачам к середине II тыс. до н. э. удалось совершенно освободиться от реального выполнения общинных повинностей (и, возможно, от уплаты налогов); эта обязанность (*ilku ša ālāiūte*) была целиком возложена на беднейшую часть общинного крестьянства, которая несла ее за себя и за своих «хозяев» и «покровителей». Если сопоставить это с фактом сращения общинной верхушки с верхушкой царских служащих, то можно сказать, что после изучаемого периода знать выбыла из общин и начала противостоять общинникам (членам территориальных общин) как неподатное сословие — податному.

¹³⁸ С иммунитетами часто было связано дарение земли — см. у хеттов, например, KUB, XXVI, 43 и 50.

¹³⁹ Привилегированные городские и храмовые общины характерны для Ближнего Востока I тыс. до н. э., включая и эллинистический период, — см. I. M. D i a k o n o f f, A Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C., «Studies in Honor of Benno Landsberger», Chicago, 1965, стр. 343 слл.; Г. Х. С а р к и с я н, Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 72 слл.; А. Г. П е р и х а н я н, Храмовые объединения Малой Азии и Армении, М., 1959; И. Д. А м у с и н, «Народ земли», ВДИ, 1955, № 2, стр. 30 слл. Однако уже в ХЗ, §§ 50—51 знают привилегированные храмовые города; в Вавилонии начало привилегиям первого города — Сипшара — было, по-видимому, положено при Самсуилуне, сыне Хаммурапи, о чем будет рассказано в другой работе.

¹⁴⁰ Воины, так же как и высшие чиновники, имели право на обозначение *awilum* «человек» независимо от наличия собственности в общинах. По крайней мере, документально известно, что воины не включались в число *muškēnū*. Но, например, в письме ВВ, 36, стк. 13 обозначение *awilum* «человек», видимо, применено к воину-*rēdūm* лишь в бытовом, но не в терминологическом смысле («начальник»). Возможны также случаи обозначения царского служащего термином *awilum* по причине наличия у него земельной собственности дополнительно к служебному наделу. Наконец, не следует забывать, что *awilum* означает и «человека» вообще, т. е. в противоположность, с одной стороны, божеству, а с другой, — животному.

¹⁴¹ Вообще из всех государств Ближнего Востока II тыс. до н. э. Вавилония при Хаммурапи была наиболее «либеральной»: здесь царские работники не причислялись к рабам, были приняты по крайней мере некоторые меры против засилья ростовщичества (ограничение процента и произвольных мер со стороны ростовщиков — ЗХ, §§ 88—96), срок долгового рабства был ограничен тремя годами (ЗХ, § 117), значительно мягче, чем в других странах, было уголовное право.

¹⁴² Хорошее представление о профессиональном и социальном составе царских людей в старовавилонийский период можно получить по переписке Хаммурапи с Шамаш-хазиром — ср. выше, прим. 60 и 67; ср. Д ъ я к о н о в, *Muškēnum...*; более общий их перечень см. К г а u s, Ein Edikt des Königs Ammi-šaduqa, § 13', где перечисляются *nāši biltim*, *rabi [iššakki?]* и (другие) *muškēnū*, воины — *rēdūm* и *ba'irum*, «несущие прочие царские службы» (*ilkuṁ aḥūm*) — имеются в виду привилегированные царские служащие — жрецы, *тамкары*, администрация и т. п. Все эти категории лиц платили побор ZAG.ḫA (*miksum*) со своей сельскохозяйственной продукции, помимо «дохода» (*biltim*), которым были обязаны *nāši biltim* и *iššakki*; ср. еще К г а u s, Ein Edikt des Kö-

ние, они в основном принадлежали к господствующему классу, что особенно ясно видно на примерах Египта и Хеттского царства, где они эксплуатировали царских людей низшей категории. В Вавилонии, так же как, вероятно, у хеттов и в других странах, они нередко имели частных рабов¹⁴³, и в принципе царским людям этой категории был открыт выход в ряды служилой знати.

Вторая категория — это царские работники. Они лишены собственности на средства производства и подвергаются внеэкономическому принуждению; нередко они вербуются из покоренных народов; в ряде случаев они прикреплены к обрабатываемой ими земле или, во всяком случае, к царскому или вельможному «дому», часть которого они составляют; в социально-правовом отношении сами древние иногда относили их к рабам, иногда — нет. Во всяком случае, они гораздо более сходны с рабами, чем с феодально-зависимыми крестьянами. Скорее всего, эта категория — аналог илотов.

Наконец, ниже всего стояли собственно частные рабы. Эта категория долго была в центре внимания нашей науки, о ней написано много специальных работ, и поэтому здесь на этом можно подробно не останавливаться. Отметим лишь, что на особом и часто в несколько лучшем положении были рабы за долги и другие патриархально-зависимые лица, частично приравняемые к рабам¹⁴⁴; так, долговое рабство не всегда бывало вечным. Отметим также то чрезвычайно важное обстоятельство, что численно и по своей роли в экономике собственно рабы на Ближнем Востоке III—II тыс. до н. э. играли роль не очень большую, которую, однако, нельзя недооценивать, так как существование рабства освобождало руки для наиболее важных работ и накладывало свой отпечаток на все право¹⁴⁵ и на всю идеологию общества¹⁴⁶. Но, в сущности, рабы в собственном смысле слова (т. е. люди — частная собственность, люди —

nigs Samsu-iluna, стр. 225 сл., где сткк. 11'—12' гласят: LAL + U iššakkim rē'i [alpi (?) ša (?)] na-we ù na-aš [biltim] «недоимки ишшаккума, паст[уха] степи и nāši [biltim]», из чего можно было бы заключить, что термины nāši biltim «приносящий доход» не включает ишшаккумов; однако это не так, поскольку в сткк. 15'—17' все категории строк 11'—12' объединены как na-aš [biltim]. Вот почему мы восстанавливаем перевод «и (другие) nāši biltim», а также «и (другие) muškēnu» в эдикте Аммицадуки. Общий, объединяющий характер носит термин мушкенум и в большинстве других текстов, в том числе и в ЗХ.

¹⁴³ О рабах мушкенума см., например ЗЭ, § 50; ЗХ, §§ 15—16, 175—176.

¹⁴⁴ Ср., например, такие виды зависимости, как основанные на «оживлении» (попадании под патриархальную власть богача во время голода; ЗХ, § 172 — § 57* по Фридриху; САЗ, А (III), § 39; КАЈ, 7; 167; 168; ср. ЗВАХ, II, стр. 220; 232; РЗОА, стр. 64 сл.; Дьяконов, Этнос и социальное деление в Ассирии, СВ, 1958, № 6, стр. 49 сл.), и на некоторых видах «усыновления» и «принятия в братство» (см. КАЈ, 6 и др.; РЗОА, стр. 66 сл.; Ю с и ф о в, ДБЭ, стр. 6 сл.; в Аррапхе: P f e i f f e r and S r e i s e r, AASOR, XVI, 23, 30—34, 36, 42—судебные процессы по сделкам взятия в дочери и невестки: mārūtū — kallātūtū, и передачи «удочеренных» в рабство: amtūtū); ср. также некоторые сделки усыновления — mārūtū: Я н к о в с к а я, ХА, стр. 28 и 30; в Вавилонии: см. разделы, посвященные усыновлению в НГ; усыновления рабов (!) и псевдоусыновления для приобретения рабочей силы см. также, например, УЕТ, V, 91, 94—95, 98—99 и мн. др. «Оживленные», «усыновленные», «принятые в братство», а в Аррапхе — и долговые рабы, коль скоро они еще не продали надела в своей домашней общине, оставались гражданами общины и государства (aššurāiu, mār(at) Arrapha) и т. п., и могли при удаче (чрезвычайно редкой) вернуться в первоначальное положение. По ЗХ долговой раб назывался не «рабом» (wardum), а «залогом» (perūtum), а само долговое рабство было ограничено тремя годами. Однако освобожденные из долгового рабства, видимо, обычно не имели фактической возможности снова начать хозяйство свободного общинника и поглощались царским хозяйством. Ср. судьбу некоего ВарадБунене в НГ, III, 740.

¹⁴⁵ Я. М. Магазинер, Основные черты старовавилонского права как права рабовладельческого общества, «Еос», XLVIII, 3, 1957, стр. 29 сл.

¹⁴⁶ А. И. Тюменев, О предназначении людей по мифам древнего Двуречья, ВДИ, 1948, № 4, стр. 14 сл. Следует отметить, что в статье А. И. Тюменева речь идет преимущественно о мифах, записанных во второй половине II тыс. до н. э. и во всяком случае не ранее конца III тыс. до н. э.

instrumenta vocalia, люди — только объекты права) составляют лишь одну из групп обширного эксплуатируемого класса древнего общества, для которого в целом характерно отсутствие собственности на средства производства и эксплуатация путем внеэкономического принуждения. Можно весь этот класс условно назвать «древними подневольными работниками рабского типа» в широком смысле слова («подневольными работниками» типа илотов или «подневольными работниками» типа рабов и т. п.).

Таков был социально-классовый состав всего ближневосточного общества изучаемой эпохи. Так подразделяют общество в социальном отношении и сами древние источники¹⁴⁷. На этом мы можем и закончить наш очерк, оговорив, однако, что он относится только к III — первой половине II тыс. до н. э., и что обрисованные нами социально-экономические условия на Ближнем Востоке решительно отличаются от тех, с какими столкнулись, скажем, греки, пришедшие сюда с Ксенофонтom или Александром Македонским. Общество Ближнего Востока начала I тыс. надлежит исследовать особо и не менее обстоятельно, — хотя, разумеется, и в настоящем очерке более раннего ближневосточного общества опущено множество частных, иногда очень важных и интересных, а множество вопросов еще предстоит исследовать.

В советской научной литературе за социально-экономической формацией, непосредственно предшествовавшей капитализму, закрепилось наименование не «крепостнической», а «феодальной», так как историки давали себе отчет в том, что не всякий феодально-зависимый крестьянин — крепостной, и что хотя обозначение феодальной социально-экономической формации как крепостничества возможно и иногда даже необходимо (в особенности в целях популяризации), но что это не есть вполне строгий термин в применении к данной формации в целом. Пора и историкам древнего мира отдать себе отчет в том, что античный — или, применяя русское слово, — древний способ производства, если можно и нужно называть «рабским», то лишь для общепонятного изложения и поэтому условно, и что древнему обществу были свойственны весьма многообразные формы эксплуатации рабского и полурабского типа¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Так, ЗХ, как известно, делят общество на *awīlū* (полноправных граждан-собственников), *miškēnū* (царских людей) и *wardū* (рабов). Еще интереснее указ хеттского царя Хаттусилиса III царю Угарита (PRU, IV, стр. 107 сл., 17.238), согласно которому общество делится на «рабов царя» (т. е. царских служащих), «сынов города» (полноправных общинников), «рабов рабов царя» (работников, обслуживающих царских служащих), а также купленных и иначе приобретенных рабов; кроме того, отмечаются еще изгой — *ḥapirū*. См. разбор этого документа; Я н к о в с к а я, ОСУ, стр. 45 сл. (Г е л ь ц е р, Социальное деление..., ПСЭИДМ, стр. 66 сл.; здесь, к сожалению, не полностью).

¹⁴⁸ После знакомства К. Маркса и Ф. Энгельса с работами Моргана и других исследователей первобытного общества понятие «азиатского способа производства», и до того почти не применявшееся ими в печати и носившее для них характер рабочей гипотезы (причем большинство примеров бралось не из древней истории Востока, тогда практически неизвестной, а из средневековой, например, из истории индийской общины), было постепенно отброшено; и в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рисующей всемирно-историческую картину перехода от первобытного к классовому обществу на пространствах обоих полушарий, понятие «азиатский способ производства» отсутствует. Попытки возродить этот термин в наше время объясняются справедливой неудовлетворенностью многих зарубежных марксистов определением ряда докапиталистических классовых обществ, в первую очередь в Африке и Америке, но также в Европе и Азии, как «феодальных» и «дофеодальных». С моей точки зрения, феодальное общество нигде и никогда не возникало прямо из первобытного, если не считать случаев прямого воздействия более развитых обществ на менее развитые; однако в зависимости от общего уровня развития производительных сил в данном регионе и от других локальных условий, стадия древнего общества либо затягивалась, либо миновала очень быстро; при этом неразвитые ранние формы древнего общества часто похожи на неразвитые формы общества феодального. Так называемое «дофеодальное» (но послепервобытное) общество Киевской Руси или Скандинавии IX—XII вв. — конечно, то же, знакомое нам древнее общество.

PROBLEMS OF ECONOMICS. THE STRUCTURE OF NEAR EASTERN SOCIETY TO THE MIDDLE OF THE SECOND MILLENNIUM B. C.

by I. M. Diakonoff

4. THE STRUCTURE OF THE STATE SECTOR OF THE ECONOMY IN WESTERN ASIA

The state (first of all, the temple) economies arose on the basis of the communal reserve land fund and the land allotments made to community officials. Their original purpose was to secure the economic stability of the territorial community by the creation of a fund of agricultural and handicraft products for the needs of such a community as a whole (including cult needs), e. g., in cases of emergencies, and an export fund to secure imports of industrial raw materials not available in the home territory. This land was worked by persons assigned by the community from time to time especially for this purpose, or by persons who had sought asylum in the temple because of natural disasters or misfortunes in war; later in the royal and temple economies a permanent labour force was established.

The best known state economic units are those of Mesopotamia (economic type IA). Already in the Early Dynastic period one finds here attempts made by the rulers of city-states to appropriate state (temple) economies. After the unification of Southern Mesopotamia into one state under the dynasty of Akkadē all the temple units in the land were brought under royal management and had by Ur III been integrated into the royal economy. If in the Early Dynastic period the workers on the temple estates had been rewarded for their service or labour by rations in kind or by service land-allotments, they were all now transferred to rations in kind. This made it possible to raise the rate of exploitation and reduce the condition of the workers of the royal economy virtually to that of slaves, deprived of family and of any economic base of their own; a high mortality rate among the workers was characteristic. The enormous increase in the size of the royal economy was accompanied by the appearance of an extremely complex system of controlling and supervising the working personnel and by a great numerical increase in the royal bureaucratic personnel. It goes without saying that the royal economy entirely lost its function of reserve emergency fund: the principal social functions of the state now became the maintenance of the established structure of society, the organisation of irrigation on a river-basin scale, of defence against external enemies, and of international exchange (also exchange imposed by force of arms); the state created a basis for the enrichment of the bureaucracy by means of tax collections from the population in the communities and produce deliveries by «men of the king». The decline of the huge quasi-latifundian royal estates of Ur III led to a substantial restructuring of the economy of Southern Mesopotamia. Beginning with the first centuries of the second millennium, on land pertaining directly to the king, agricultural production virtually ceased, while the royal land itself was dispersed in the form either of individual allotments to royal service people, or individual or group allotments to royal labour personnel, who worked their holdings for themselves, turning over a considerable share of the harvest (perhaps a half?) to the palace. This provided the impulse for the rapid growth of private estates on both community and royal lands; they had very little intercourse with the royal economy, much more with one another; and this led to the development of private law. However, all allotments on royal land were, in contrast to the land of community member-citizens, either absolutely inalienable or alienable only on condition that the service obligation attached to the allotment was transferred with it.

In Egypt of the Old Kingdom (economic type I C) not only the royal and royal-temple estates, but also those of high officials, in respect to general operational methods and, in particular, to the method of exploiting the work personnel, closely resembled the Sumerian temple and royal economies. Here, too, with the Middle Kingdom there appears a radical change in the structure of the state and «magnate» sectors of the economy, accompanied by a marked growth of private-law relations among wider circles of the popu-

lation. In the peripheral areas of Hither Asia (economic type I B) the royal and temple estates played a lesser role, but their structure was essentially the same as in Babylonia and Egypt. In the Hittite Kingdom many representatives of the nobility had the status of viceroys and even vassal kinglets; because of the hierarchical (quasi-«feudal») structure of state power here the country was covered with landed estates, typologically classifiable as royal economies on a local scale.

The ancients themselves regarded both the temple and the royal estate as a kind of «house» (Sum. *é*, Eg. *pr*, etc. — I. J. Gelb, N. M. Postowskaja), a term applied also to the family commune as a socio-economic unit. The personnel of state economies, having no property rights in the means of production on these estates but only the right to maintenance in return for performing royal service¹, were therefore regarded as subject to the patriarchal authority of the king or the temple, i. e., one might say, as constituting their *familia*. However, in respect to both their origins and their status such personnel differed from the household of the family commune (both from its kin-members and from its slave-members): unlike the junior family members, the personnel of the royal estates did not participate in communal self-government and, most important, they had no share in ownership of the land; on the other hand, they were not wholly lacking in civil rights, nor were they the property of their masters, in which respect they differed from slaves, from whom they were often also distinguished terminologically (Sum. *g u r u š* || *l r* (a d), Eg. Mid. Kingd. *ḥmw njswt* || *b3kw*, Bab. *muškēnum*, *iššakkum* et al. || *wardum*, etc.). Among the «men of the king» the royal service people were always distinguished from the royal workers (e. g., Bab. *nāši biltim*, including *iššakkū*), who were obliged to furnish the palace with definite material values. Upon persons of this latter category were also imposed labour obligations on the estates of the royal service personnel. This was not the case in Babylonia, which explains the widespread development there of renting out service allotments.

The author discusses also the maximum size of a land lot workable by the owner himself and his immediate family, without recourse to additional labour power, and the volume of production from such a land lot, allowing for fluctuations in the average harvest yield at different historical periods. The extent to which production for the market may be considered a possibility is discussed in this connection. The author further takes up the problem of the mechanism (for the most part state trade agents) by which imported raw material and handicraft products reached economic units outside the state land fund — especially before the period (beginning of the second millennium) when it became possible for royal craftsmen to substitute cash in silver for deliveries in kind to the palace and the way was open for fairly extensive free marketing of handicraft production. It is noted in connection with the raw-materials problem that in the Near East international exchange played a leading role in trade; it was based mainly upon surpluses accumulated in the state economies, though private persons also took part; but since the chief export was handicraft production and private estates could not compete with the state workshops, in order to participate in trade the former had to have access to cash in silver; for this credit was needed; ordinary intracommunity exchange could take place in kind, but in view of the seasonal character of agricultural production credit was needed here too. The prospect of gaining an easy income by extending credit to weaker economic units was in fact what mainly promoted the development of large, field-crop farming private estates (including family estates). The growth of private estates created a demand for a larger labour force and led to the formation of a slave economy in the direct sense of the term; but it also gave birth to usury, which tended to undermine private economy.

¹ This service (*ilkum* in Babylonia, *pilku* in Ugarit, *saḫḫan* in the Hittite Kingdom) should be distinguished from the universal communal or state military and labour service obligations (the blood- and labour-tax) which were imposed on the whole population (*peḫātum* [?] et al. in Babylonia, *ilku* in Assyria and Ugarit, *luzzi* in the Hittite Kingdom).

5. GENERAL CONCLUSIONS. THE STRUCTURE OF SOCIETY AND THE MODE OF PRODUCTION

The author summarises his findings with regard to the structure of society in the Near East in the third and first half of the second millennium B. C., in particular with regard to the stratification of socio-economic classes.

The great mass of exploited people in the ancient Near East, who cannot be fitted into existing classical definitions of the category «slave», are usually called «serfs» in the West. But this term does not suit, since the people in question were not endowed with the principal and characteristic quality of the feudal dependent peasantry: participation in ownership of the means of production, at least in some degree. They were, like slaves, deprived of acknowledged property rights in means of production, and shared with slaves and serfs the condition of being forced to work for their masters not so much by economic necessity as by direct compulsion exercised by the state. In this sense they were economically closer to slaves (in some respects to helots) than to any other category. Slaves in the strict sense of persons possessed of absolutely no civil rights, who were themselves the property of their masters, are found only in comparatively small numbers in this society, forming one of the sub-categories of the exploited class — the class of «ancient unfree persons of the slave type».

The ancient socio-economic formation is characterised as a whole by the presence of the following features: (1) an exploited class of the type described above, which includes slaves in the strict sense but is not confined to them, (2) a large category, surviving from primitive society, of free cultivator-citizens, who were always organised in one or another sort of communal group (the types range from the extended-family commune to the *polis*), and (3) a two-sector economy of which the components — communal-private and state — are found in quantitatively and qualitatively different combinations. This formation may be seen to embrace not only the economy of ancient Asia and the ancient European Mediterranean countries, but, it would seem, also the economy of pre-colonial Africa and America and the so-called «pre-feudal» societies of northern and eastern Europe (Scandinavia and Kiev Russia). As for the mediaeval («feudal») economy, although the typological break between it and the economy of the ancient world is considerably less sharp than between the mediaeval and capitalist economies, still several features, peculiar to each of these types alone, make it necessary to retain the distinction between the ancient and the mediaeval socio-economic formations.

Corrigendum

In VDI, 1968, № 3, p. 26 the last sentence of the first paragraph of the English summary of the article «Problems of Economics» should read:

Accordingly, the expression «communal sector of the economy» will in this article have the meaning «the sector of the economy embracing the economic units based on the full ownership of land lying outside the state land fund by citizens enjoying full citizenship rights».

К. М. Колобова

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА *

ВОЗВРАЩЕНИЕ ахейцев после победы над Троей (около 1200 г. до н. э.) было последним звеном их могущества. Гибель Пилосского дворца (около 1200 г.), несколько позже пожар уничтожил дворец в Микенах, а через некоторое время опустел Тиринф (приблизительно между 1200—1190 гг. до н. э.)¹.

Ослабление основных ахейских центров Фукидид объясняет междоусобицами, возникшими в ахейских дворцах: «Даже и после Троянской войны, — пишет он, — в Элладе все еще происходили перемещения жителей, так что страна не знала покоя и потому не преуспевала. Возвращение эллинов из-под Илиона замедлилось, что повело к многочисленным переманам: в городах возникали по большей части междоусобные войны, вследствие которых изгнанники стали основывать новые города» (I, 12).

Мифы, сохраненные Гомером и особенно трагиками, совпадают с изложением Фукидида: легенды о споре между Атреем и Фiestом, о вероломном убийстве Агамемнона Эгисфом и Клитемнестрой во дворце, о мстителе Оресте. Из героев Троянской войны своевременно вернулся Агамемнон, вскоре же убитый, затем Нестор (Пилос) и Тидей (Аргос). Менелай блуждал более 18 лет, Одиссей отсутствовал в течение 20 лет, тогда как эпигоны-женихи добивались власти над Итакой, а Эакиды — над Саламином².

Борьба за власть младшего поколения героев ярко выступает в греческой мифологии. Мифы фиванского цикла, повествующие о ряде преступлений во дворце Кадма, о роке, тяготеющем над Фивами, о гибели последних отпрысков царского дома в братоубийственной войне (Полиник и Этеокл) выделяют Фивы из других городов, нагромождая в нескольких поколениях царского дома преступления, одно кошунственнее другого. В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» рассказывается о братоубийственной войне за обладание Фивами Этеокла и Полиника, бежавшего в Аргос. В. Н. Ярхо в своей интересной монографии «Эсхил» трактует трагедию «Семеро против Фив», единственную сохранившуюся трагедию из Фиванского цикла Эсхила, как олицетворение враждебных сил эллинской

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по проблеме перехода доклассового общества в классовое, состоявшемся 6—8 декабря 1966 г. в гор. Москве.

¹ Следую датировкам Милонаса: G. E. Mylonas, *Mycenae and the Mycenaean Age*, Princeton, Prin. Univ. Press, New Jersey, 1966, стр. 236.

² Там же, стр. 226.

